

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

796^{-е} ЗАСЕДАНИЕ
9 ОКТЯБРЯ 1957 ГОДА

ДВЕНАДЦАТЫЙ
ГОД

НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предварительная повестка дня (S/Agenda/796)	1
Утверждение повестки дня	1
Индо-пакистанский вопрос (<i>продолжение</i>)	1

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в квартальных дополнениях к *Официальным отчетам*.

* *
*

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

СЕМЬСОТ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 9 октября 1957 года, 15 час. 30 мин.

Нью-Йорк

Председатель: г-н Гийом ЖОРЖ-ПИКО (Франция)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Ирака, Китая, Колумбии, Кубы, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Филиппин, Франции, Швеции.

Предварительная повестка дня (S/Agenda/796)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индо-пакистанский вопрос.

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Индо-пакистанский вопрос

По приглашению Председателя г-н В. К. Менон, представитель Индии, и г-н Фироз Хан Нун, представитель Пакистана, занимают места за столом Совета.

1. Г-н Кришна МЕНОН (Индия) (*говорит по-английски*): Сегодня утром, на 795-м заседании Совета Безопасности, я коснулся некоторых сторон рассматриваемого нами вопроса. Но сказано еще далеко не все. Мне хочется еще раз повторить, что делегация Индии резервирует за собой право высказаться по любому вопросу, который может возникнуть в ближайшем будущем вследствие замечаний членов Совета или представителя Пакистана. Я убедительно прошу Совет снисходительно отнестись к тому, что я буду говорить более пространно по занимающему нас вопросу. Я постараюсь на текущем заседании сказать все по этому вопросу. Я признателен за терпение, с которым члены Совета слушали меня, и за то внимание, которое они ко мне проявили.

2. Сегодня утром я остановился на проблеме беженцев. Проблема беженцев только частично связана с обсуждаемым нами вопросом. Эта проблема затрагивает все народы, эта проблема также затрагивает Индию в целом. Здесь же эта проблема всплыла главным образом по-

тому, что представитель Пакистана счел возможным обвинить нас в жестокости, в массовых убийствах — эвфемистически именуемых геноцидом — и приписать нам именно те административные просчеты и антиобщественные действия, в которых, как подтверждают факты, на самом деле виновны пакистанцы.

3. В своем заявлении на 791-м заседании представитель Пакистана подробно описал мнимые грехи Индии в такого рода делах; он описал также, как 40 миллионов проживающих в Индии мусульман пребывают в состоянии постоянного террора и живут под страхом массовых убийств, истребления и т. д. Чтобы не тратить время, я не буду приводить его выступление целиком. Вот выдержка из него:

«Это не что иное, как признание того, что мусульмане Индии являются заложниками Кашмира. Угроза совершить геноцид является самым низкопробным политическим шантажем и свидетельствует об умонастроении, от которого можно только содрогнуться. В Пакистане пропорционально столько же индусов, сколько в Индии мусульман. Однако мы никогда не прибегали к такому шантажу и не угрожали, что если Кашмир не присоединится к Пакистану, то будет истреблено индусское меньшинство в Пакистане» (791-е заседание, пункт 19).

4. Я не намерен сейчас опровергать приведенные здесь цифры, которые, впрочем, не вполне точны. Большого значения это не имеет. В Индии не совершается ни геноцид, ни какие бы то ни было убийства, а имеют место обычные уголовные преступления, которые, я полагаю, так же возможны в Пакистане, как и на нашей земле.

5. Нам было весьма прискорбно слышать это чрезвычайное заявление, вызвавшее в высших

кругах индийских мусульман, среди которых были и родственники членов пакистанской делегации, резкие протесты и заверения, что все это является клеветой и более того, это дает повод их единоверцам в других странах считать их неполноценными индийскими гражданами. Один из этих индийских мусульман, не вступая, разумеется, в спор по этому вопросу, просто заявил: «Не вмешивайтесь не в свое дело. Мы сами можем постоять за себя». Я бы лично так не сказал. Организация Объединенных Наций достаточно хорошо определила понятие геноцида в своей Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Когда зря бросаются такими словами, как «геноцид», «самоопределение» и другими вырванными из контекста выражениями, то этим только искажается смысл этих слов. Не думаю, чтобы это каким-либо образом содействовало осуществлению целей Устава.

6. Теперь я возвращаюсь к существующему в настоящее время положению в Индии, а именно к вопросу о том, находятся ли приверженцы той или иной религии в безопасности и в каких условиях они живут, не только затем, чтобы опровергнуть это заявление, но еще и потому, что здесь перед нами проблема социального, национального и международного характера. Прежде всего я коснусь только вопроса о Кашмире.

7. Недавно представитель Пакистана сообщил нам, что примерно полмиллиона человек перешли из Кашмира в Пакистан. Относительно людей, прибывающих на нашу территорию и выбывающих из нее, у нас имеются довольно точные цифры; не учтены могут быть только случаи нелегального перехода границы. Насколько нам известно, некоторая часть населения покинула страну во время вторжения пакистанских нерегулярных и регулярных войск. Тогда людей охватила паника. Очень многие потом вернулись. В данный момент дело обстоит так: 450 тысяч беженцев-мусульман, — беженцев, исповедующих ислам, — возвратились из оккупированного Пакистаном Кашмира и были восстановлены в правах правительством княжества Джамму и Кашмир.

8. Любопытно узнать, сколько достоверных данных такого рода может представить другая сторона. Число беженцев-немусульман, возвратившихся из оккупированного Пакистаном Кашмира, составляет 122 429 человек. Общее число кашмирских мусульман, переселившихся в Пакистан, когда начались беспорядки, составляло не 500 тысяч человек, как здесь было заявлено, а 208 818. Таковы цифры. Эти беженцы вовлекли нас в немалые расходы, а когда расходуются деньги, то, естественно, приходится учет вести аккуратно.

9. Этот вопрос связан с другим имеющим большее значение вопросом. После величайшего в истории массового движения из Пакистана в Индию и из Индии в Пакистан, последовавшие

го в результате раздела страны (по заключении соглашения с теперешним премьер-министром Пакистана, представляющим одну из крупнейших партий Восточной Бенгалии), свыше 4 миллионов человек (что равняется населению многих государств — членов Организации) перешли из Восточного Пакистана, то есть Восточной Бенгалии, в Западную Бенгалию. В 1955 году ежемесячно переходило в среднем 20 тысяч человек, а в 1956 году — 26 500 человек. Эта продолжающаяся миграция людей, преследуемых и изгоняемых из Пакистана за их религиозные убеждения, показывает, в каких невыносимых условиях находятся группы меньшинств в Пакистане. Мы были бы рады получить от пакистанских властей подлинные факты о каких-либо случаях преследований из-за религиозных убеждений в нашей стране; мы бы приняли против таких преследований предусмотренные законом меры.

10. Все это происходит по причинам политического, экономического и административного порядка. Приведу несколько примеров. Всем фирмам рассылаются официальные циркуляры, копии которых мы получаем, с просьбой принимать на работу мусульман, что влечет за собой многочисленные увольнения индусов. Индусы вытесняются из текстильной промышленности, которая является главным источником их существования. 80 процентов всех текстильных предприятий находилось в руках индусов, а теперь число предпринимателей, имеющих лицензии, в этой отрасли промышленности упало с 1200 до 80. Во всех наших городах и селах торговые и промышленные предприятия теперь контролируются, для открытия предприятий необходимы лицензии. Правительство принимает участие в этих предприятиях.

11. Нескольким иностранным нефтяным компаниям — я не буду называть их — были даны официальные инструкции, которые привели к увольнению индусов из нефтяного сектора промышленности. В имениях, которые государство выкупило у крупных землевладельцев, происходят массовые увольнения служащих-индусов. Значительно возросла преступность, в особенности преступления сексуального характера, жертвами которых являются индусские женщины. Подвергаются преследованиям «зарегистрированные касты» (прежде называвшиеся «неприкасаемыми»); члены этих каст — сельскохозяйственные рабочие-индусы, которых в Восточном Пакистане насчитывается около 5 миллионов. Школьное преподавание в Пакистане ведется на религиозной основе: насаждается ислам. Мы, напротив, стоим за светское обучение; за свободу совести и вероисповедания, равно как и за свободу изучать любую религию, однако из школьного обучения религия должна быть исключена и это особенно важно для меньшинств. Была отменена оптовая продажа огнестрельного оружия, которым раньше владели индусы, а в Восточном Пакистане имеет место свободная доставка огнестрельного оружия му-

сультанам. До нас доходят сведения о многочисленных случаях нападений, убийств, нарушений права собственности, дакойти (это индийское слово, которое означает вооруженный грабеж); все это усугубляется безразличным отношением местных властей, а страх перед полицейскими мерами подорвал у групп меньшинства доверие к администрации. Все эти вопросы вызывают бесконечные споры между нашими и пакистанскими государственными служащими; как мы, так и они достаточно знаем об этих вопросах.

12. Что касается попрания прав человека, то можно по этому поводу привести слова теперешнего премьер-министра Пакистана, который совсем недавно был индийским гражданином. Мы были бы рады видеть его в числе своих сограждан, но мы счастливы, что он является гражданином Пакистана. Премьер-министр Пакистана высказывался по поводу подавления человеческих прав, которое с очевидностью выявляется из приведенных мною данных. В октябре 1956 года, выступая в прениях на одном из заседаний Национального собрания Пакистана, г-н Сухраварди, бывший тогда премьер-министром, возражал против заявления одного из членов Собрания (вероятно, индуса или либерального мусульманина) о преследованиях; этот оратор утверждал, что долг чести каждого индуса — на деле доказать свою лояльность. Премьер-министр заявил следующее:

«Теперь вы спрашиваете меня: чем доказали они (индусы) свою преданность Пакистану? На это я скажу прямо: а что сделали вы для них, чтобы заслужить их преданность? Как и чем вы доказали им, что вы относитесь к ним так же, как к мусульманам? Много ли вы им предложили мест работы и службы, почетных должностей и ответственных постов?»

Это высказывание принадлежит г-ну Сухраварди.

13. Г-н Гиббон, по-видимому, англо-индийского происхождения, заместитель председателя Национального собрания и лидер групп меньшинства, недавно сокрушался в Карачи о том, что пакистанская политика на практике часто означает «все для партии, ничего для народа; все для политических целей, ничего для целей принципиальных; все для службы, ничего для чести; все для власти, ничего для прогресса». Это сказано, пожалуй, громко, но доля правды в этом есть.

14. Я уже приводил данные миграции мусульман из Индии в Восточный Пакистан — это данные не на сегодняшний день, — составляющие общую цифру в 1,5 миллиона. Число мусульман, перешедших из Индии в Западный Пакистан, составляло 6,1 миллиона человек. Они эмигрировали в период смуты и беспорядков. Из этой массы эмигрировавших людей 1 миллион мусульман возвратился в Индию из Восточного

Пакистана. Эти статистические данные опубликованы в Индии; все общественные мероприятия там являются общим достоянием, ни от кого не скрыты. Указанные данные приводились в газетах, и туристы, приезжавшие в нашу страну, видели это собственными глазами: 1 миллион мусульман возвратился из Восточного Пакистана в Индию. Подобным же образом 100 тысяч человек вернулись в Индию из Западного Пакистана. Это как-то непохоже на страну, где имеется геноцид. Было бы очень печально, если бы 1 миллион людей вернулся в страну для того, чтобы быть убитым. Но ведь этого не случилось. Эти люди вернулись, чтобы иметь больше еды, жить в более хороших санитарных условиях, иметь более надежную защиту, больше свободы и быть более уверенными в чувстве собственного достоинства.

15. Число индусов, перешедших в Индию из Пакистана, на 2200 тысяч человек превышает число мусульман, перешедших из Индии в Пакистан. Я привел эти данные потому, что для цивилизованной страны — а мы можем думать, что являемся такой страной, — крайне прискорбно, что перед Советом Безопасности на нее возводится тяжкое обвинение в геноциде, и нам хотелось бы знать, что скажут по этому поводу остальные члены Совета. Если бы в Индии действительно происходила массовая резня, то об этом было бы известно Совету Безопасности, поскольку речь шла бы о нарушении Конвенции о предупреждении преступления геноцида, Устава и Декларации прав человека. В 1949 году против нас было выдвинуто совершенно голословное обвинение в геноциде, и Совет Безопасности вполне справедливо оставил это обвинение без последствий. Таковы факты.

16. Если Совет не возражает, я хотел бы сейчас привести выдержки из высказываний по этому вопросу, сделанных неиндусами. Авторы этих авторитетных высказываний отнюдь не питают особого пристрастия к Индии. Одно из них помещено в «Манчестер гардиан» — газете Соединенного Королевства, которая всякий раз резко критикует политику Индии. Вот что она пишет:

«Говорят, что индусам Восточной Бенгалии очень трудно получить работу, а фирмам настоятельно предлагается заменять служащих и агентов-индусов мусульманами. Беженцы, прибывающие в Индию, бегут из Пакистана не потому, что их подхватила волна паники; они долго выжидают, пока их оттуда не вытолкнет медленная деморализация, неуклонно растущее чувство незащитности и материальная нужда».

17. В противоположность этому, рисуя положение на индийской стороне, «Манчестер гардиан» пишет:

«Западная Бенгалия (то есть та часть Бенгалии, которая называется Индией) приняла более 3 миллионов беженцев-индусов, которые

мирно уживаются рядом с 6 миллионами местных мусульман. Можно было бы опасаться напряжения в их отношениях, но его нет. Народ говорит: „Мусульмане не сделали нам никакого зла; это Пакистан причинил нам зло”».

Так пишет английская газета, которая, как я уже говорил, обычно резко критикует нас.

18. А вот мнение духовного лица. Епископ Пикетт, бывший епископ методистской церкви Индии и Пакистана, в письме от 8 марта 1957 года, адресованном «Крисчен Сенчури», заявляет следующее:

«Индийские мусульмане счастливы в Индии. Очень многие из перешедших в Пакистан вернулись обратно, и есть основания предполагать, что миллионы с радостью последовали бы их примеру».

19. Далее обратимся к высказываниям за пределами нашего Содружества. Вот образец общественного мнения Турции — той самой Турции, которая как будто собиралась помочь в урегулировании индо-пакистанских взаимоотношений. «Ени Истанбул», широкоизвестная стамбульская газета, пишет:

«Пакистану придется пройти еще долгий путь, чтобы стать демократическим, как это слово понимается на Западе. В противоположность своему соседу — светской Индийской Республике — Пакистан до сих пор еще не освободился от пережитков теократической системы. При ознакомлении с пакистанской конституцией поражает тот факт, что документ, подводящий под государственный строй Пакистана теократическую основу, является новейшим законом, принятым менее двух лет назад. (По-видимому, закон этот не имеет исторической основы). Люди, которые считали, что единственный способ сохранить надолго политическое влияние — это сделать ставку на мулл и на отсталые слои населения, не постеснялись выработать эту конституцию — один из самых диковинных документов нашего времени. В наши дни, когда весь мир стремится к свободе, к отделению школьного обучения от религии и к свободе вероисповедания, принятие такой конституции заставляет задуматься над тем, какова же в действительности структура выработавшего ее государства».

20. Мы не намерены здесь подвергать критике пакистанскую конституцию как таковую, но когда делаются сопоставления с светским государством, которое обеспечивает свободу слова и не только допускает ее, но и поощряет, и в котором эта свобода является частью самой жизни; наличие подобных обвинений вызывает необходимость объяснить положение дел.

21. Теперь обратимся к одному австралийскому источнику. Как вам известно, мнение Австралии по этому вопросу, мягко выражаясь, ни в коей мере не совпадает с нашим мнением. Г-н Б. В. Ковентри, главный миссионер Церкви Христа в

Индии, выступая в Кентербери 31 августа 1957 года, заявил:

«Одной из отличительных черт правительства Индии со времени достижения этой страной независимости является политика, проникнутая духом терпимости».

22. Мне кажется уместным упомянуть об этом сейчас, потому что те, кто не слишком дружелюбно к нам относится, иногда поговаривают о том, что мы якобы преследуем христианских миссионеров в Индии. Сейчас число иностранных миссионеров в стране возросло на 25 процентов по сравнению с числом миссионеров, находившихся в Индии до получения ею независимости. Разумеется, если миссионер вмешивается в политические дела или пытается подрвать основы государства, с ним поступают по закону, как и с любым другим гражданином. Если он иностранец, его высылают на родину. Если он ведет себя подобающим образом, он свободно занимается своим делом, и мы счастливы, что его деятельность проходит у нас, особенно в области социальной.

23. Далее г-н Ковентри продолжает:

«В вопросах религии в Индии царит полная свобода. В индийской конституции записано, что каждый имеет право исповедовать и проповедовать свою религию и веру. Страна, где верующие составляют 87 процентов населения, действительно проникнута духом терпимости».

24. Большинству, в руках которого находятся такие силы, как избирательный аппарат, парламент, печать и т. п., легко пренебрегать меньшинством. Нам это слишком хорошо известно. Мы и не выдаем нашу терпимость за какую-то особую присущую нам добродетель. Мы ее унаследовали.

25. Г-н Ковентри далее продолжает:

«Правительство Индии признало ценным тот вклад, который внесли христианские миссионеры в развитие страны».

В качестве примера он привел тот факт, что медалью имени Флоренс Найтингил, высшей наградой для медицинской сестры в Индии, была награждена медсестра-христианка.

26. Теперь мы обращаемся к американскому источнику — журналу «Атлантик мансли». В этом журнале под рубрикой, озаглавленной «Мир сегодня», в сентябре этого года было напечатано следующее:

«Положение 9 миллионов индусов в Восточном Пакистане вызывает возмущение. Они, за редчайшим исключением, не допускаются ни в армию, ни на гражданскую службу. В прошлом году 320 тысяч индусов бежали в Индию в основном из-за недоедания и растущей инфляции, а также из-за постоянных преследований со стороны полиции и чиновников».

Поток беженцев в настоящее время составляет в среднем около 10 тысяч человек ежемесячно».

27. Я думаю, что для полноты картины следует привести высказывание по этому вопросу авторитетного представителя ислама. Мы имели счастье и честь приветствовать на индийской земле приехавшего из Саудовской Аравии короля Сауда. В нашей стране ему была предоставлена полная свобода передвижения. Король Сауд — выдающийся мусульманин; он является хранителем некоторых святых мест ислама и его высоко ценят в нашей части света. В нашей стране он посетил много мечетей, а также различные религиозные учреждения. В присутствии президента Индийской Республики он сказал следующее:

«На меня произвело глубокое впечатление ваше заявление о том (это само по себе еще не так важно), что ваше правительство проводит политику полного равенства, справедливости и беспристрастия по отношению ко всем индийцам без различия; независимо от их принадлежности к религии. Конституция вашей Республики обеспечивает полные права гражданства каждому человеку, независимо от его вероисповедания».

Это можно было бы рассматривать как обычное заявление, если бы Его Величество король на этом остановился, но он продолжал:

«Я был несказанно обрадован, когда услышал от лиц, возглавляющих мусульманскую общину, подтверждение того, что ваше правительство проводит эту благородную и просветительную политику (напомню, что Его Величество посещает нашу страну не только как король Саудовской Аравии, но также в качестве одного из глав ислама и одного из хранителей святых мест). Вам, г-н президент, должно быть понятно, что на меня произвела приятное впечатление эта счастливая особенность жизни вашего народа».

28. Два дня назад один из выдающихся мусульман Индии, в прошлом вместе со всей своей семьей борющийся в рядах индийского народа за национальное освобождение страны, Набоб Рампура прислал нам телеграмму, в которой говорилось:

«Я с болью прочел лживое и злонамеренное заявление Нуна относительно индийских мусульман. Прежде всего мы все — индийцы; все остальное — потом. В светской Индии людей не делят по цвету кожи или по вероисповеданию. Сидящему на вулкане Нуна не пристало бы ввязываться в дешевую и голословную пропагандистскую кампанию по вопросу об индийских мусульманах, о которых он ничего не знает. Я прошу, чтобы это мое мнение, высказываемое от имени всех мусульман Индии, в особенности от имени шиитов Индии, было передано в Организацию Объединенных Наций».

29. Теперь, после выступления г-на Хана Нуна в Совете Безопасности, в Индии поднялось всеобщее волнение, которое нам приходится сдерживать с великим трудом, ибо мы не хотим, чтобы в нашей собственной стране это положение вылилось в конфликт между мусульманами и индусами. Однако мусульмане Индии глубоко оскорблены тем, что их представили здесь в таком свете. Эти мусульмане — всеми уважаемые граждане нашей страны, часто занимающие самые высокие и привилегированные посты в правительстве, на дипломатической службе, среди людей свободных профессий, в общественной жизни и в предпринимательской сфере, причем без какого бы то ни было исключения.

30. Нам известно, что имеются также не принадлежащие к исламу люди, которые поддерживают политику Пакистана в Индии и которые глубоко опечалены действиями правительства Индии и подавлением свободы. Перед вами предстают два лица. Обычно считается, что нельзя так обходиться со своими же согражданами, но в Индии все бывает. Люди сидят и целые дни только и делают, что бранят правительство. (Я думаю, что уделяют большое внимание в этом отношении, кроме правительства Индии, также г-ну Кэботу Лоджу, и это говорится ему не в укор.) Все, что можно сказать об этом, сказано. В своем выступлении на 791-м заседании г-н Хан Нун заявил:

«Хорошо известно, что целый ряд видных индусских деятелей Кашмира, как, например, Пандит Прем Нат Базаз (который служит Пакистану), стоят за разрешение данного вопроса путем плебисцита, причем им много приходится терпеть от правительства г-на Неру за то, что они сторонники присоединения княжества, своей родины, к Пакистану» (791-е заседание, пункт 20).

31. Затем нам сообщили о заместителе председателя Политической конференции Кашмира; это название звучит очень внушительно. Г-н Нун заявил:

«Известно также и то, что заместитель председателя открыто стоящей за присоединение к Пакистану Политической конференции Кашмира, более десятка руководителей которой находятся в заключении без суда и следствия, — индийский ученый из долины г-н Лакханпал, являющийся видным лидером индусов в Индии...» (там же).

Я сделал все, включая получение информации о Лакханпале из Индии, но о нем там никто не слышал. Совершенно ясно, что он личность выдающаяся.

32. У нас также имеется большое число хвалебных отзывов в адрес шейха Абдуллы. Я уверен, что шейх Абдулла будет доволен, что я не оглашаю здесь этих отзывов. У меня тут целое собрание сочинений о том, что г-н Абдулла пре-

датель и марионетка и т. д. Впрочем, я уже не раз здесь, в Совете, приводил выдержки из его выступлений в Учредительном собрании. Он предложил своему народу на выбор три решения, а затем заявил, что для кашмирского народа может быть только одна возможность: остаться с Индией. Мало того, он заявил, что если сравнивать мусульманина с мусульманином, то индийский мусульманин, пожалуй, не хуже пакистанского. Теперь, когда шейх Абдулла по причинам, не имеющим ничего общего с тем, о чем мы здесь говорим, содержится под арестом — надеемся, что этот арест будет непродолжительным, — он вдруг стал героем. Удивительно, что на тех, кто ведет себя намеренно неприязненно по отношению к соседнему государству, смотрят положительно.

33. Вот и все, что я хотел сказать о беженцах и о геноциде. Я высказал все это потому, что у нас, разумеется, есть обязательства — административные, политические, юридические и прочие — в отношении той части Кашмира, которой мы управляем, но, кроме того, у нас есть политические, моральные и юридические обязательства по отношению ко всему княжеству Джамму и Кашмир. Мы теперь собственными страданиями искупаем свой грех, а грех наш в том, что мы допустили оккупацию. Следовательно, мы виновны перед народом, находящимся под этой оккупацией. Однако, сознавая необходимость предотвращения народных волнений и движимые тем же внутренним голосом, который побудил нас дать наступающим войскам приказ к отступлению и начать переговоры о линии прекращения огня, мы считаем, что народу осталось страдать недолго, до тех пор пока Совет Безопасности не проснется и не предпримет каких-либо шагов.

34. Я перехожу теперь к ряду вопросов, связанных с создавшимся в Кашмире положением и с возникшими там новыми факторами, я постараюсь в своем выступлении ограничиться разбором только этих новых факторов, имеющих отношение к Кашмиру и Пакистану и существующих с февраля этого года, со времени последней сессии Совета Безопасности.

35. Прежде всего я коснусь обстоятельств, касающихся раздела В части I резолюции от 13 августа 1948 года (S/1100, пункт 75), а именно увеличения военного потенциала. Все, что я говорил сегодня утром, относилось к увеличению военного потенциала за период с 13 августа 1948 года до последней сессии Совета Безопасности. Но сейчас мы коснемся — здесь я делаю разграничение — роста военного потенциала за последние месяцы.

36. Ряды «северных пластунов» были пополнены; военный характер их группировки определился более четко, чем когда-либо раньше. Первоначально это был небольшой отряд примерно в 3 тысячи человек; теперь численность его увеличилась на 200 или 300 процентов.

37. Число пехотных батальонов вооруженных сил Азад-Кашмира, как мы считали, сократилось путем стягивания с тридцати до двадцати. Они вооружены тяжелым оружием. Теперь они располагают 81-миллиметровыми мортирами, легкими пехотными противотанковыми орудиями, а также другими видами оружия, назвать которые я не могу. И они достаточно хорошо вооружены, чтобы сокрушить огневые точки, блиндажи, доты и любые другие оборонные укрепления, где бы мы их ни возводили. Эти войска теперь снабжены гранатометами бельгийского образца и противотанковыми орудиями, полученными ранее Пакистаном для его собственных войск. Из Франции они получили ракетные мортиры, противотанковые орудия и среднекалиберные орудия — всем этим снабжены указанные батальоны. Так что если вы считаете, что это всего лишь местная армия, армия для парадов, то вы ошибаетесь.

38. Мало того, за этот период один взвод каждого пехотного батальона так называемых вооруженных сил Азад-Кашмира обучался методам партизанской войны; эти методы включают поджоги, саботаж и убийства. Солдатам такого взвода в дополнение к обычному оружию были розданы бесшумные пистолеты и кинжалы, — мы располагаем несколькими образцами этого оружия. В целях организации учебно-показательных занятий в боевой обстановке были учреждены четыре школы для обучения вооруженных сил Азад-Кашмира, школы, очень похожие на те, которые существовали во время войны в Англии для подготовки партизанских отрядов. Я должен отметить в числе того полезного, что оставили англичане после себя в Индии, прекрасную военную разведку. А теперь она даже лучше, чем была прежде.

39. Мы также имеем сведения о наличии в оккупированном Кашмире порохового завода. Кроме того, Пакистан — не правительство Западного Пакистана, а центральная административная власть — строил военные дороги и мосты.

40. Я позволю себе напомнить Совету, что Комиссия Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана через своего председателя в письменной форме заверила правительство Индии в том, что не будут допущены какие-либо коренные изменения и какое-либо объединение не только в области административно-политической, но и в какой бы то ни было области. А на деле мы видим, что и топография, и стратегические планы — все это претерпело радикальные изменения.

41. Эта информация получена из индийских источников. Интересно отметить, как оценил обстановку американский корреспондент т-н Хансон Болдвин, которого считают военным экспертом. Он пишет:

«Пакистанские вооруженные силы насчитывают около 200 тысяч человек; к ним надо прибавить военизированные части, сформиро-

ванные в семь или девять дивизий. Пакистан имеет, по данным за апрель прошлого года, примерно 125 самолетов. Среди армий стран Среднего Востока пакистанская армия по численности занимает второе место...»

Я еще вернусь к этой теме, когда мы перейдем к вопросу о выводе вооруженных сил.

42. Премьер-министр Пакистана в своей речи придает политическое значение этим фактам. Вот что он заявил 26 февраля 1957 года, через три или четыре дня после того заседания Совета Безопасности, на котором уважаемый представитель Швеции пытался выяснить, выполняется ли раздел Е части I резолюции от 13 августа 1948 года:

«У нас, возможно, самая лучшая армия в этом районе континента. За нами наш смелый народ, и я с уверенностью могу сказать, что мы можем померяться силами с любой армией в любой части земного шара (устрашающее заявление!). Мы уверены в своих силах (это хорошо!) и верим в помощь нашего создателя, и это даст нам силы сокрушить все, что будет стоять у нас на пути». (Мне случилось слышать похожие речи до 1939 года).

43. Вот то, что я хотел сообщить об изменениях военного характера, в отношении которых я привел несколько примеров. Невозможно представить Совету каждую деталь имеющейся в нашем распоряжении многотомной документации.

44. Теперь мы рассмотрим другой аспект вопроса, который также является нарушением суверенитета княжества Джамму и Кашмир, соглашений между магараджей Кашмира и британским правительством, нарушением резолюций Совета Безопасности, а главное — принципов человечности. Я имею в виду строительство так называемой плотины Мангла. Мы отнюдь не против прогресса, где бы то ни было. Мы очень желали бы, чтобы в Пакистане — не нам об этом говорить, и я почтительно высказываю это желание — увеличивалось производство гидроэлектроэнергии, расширялась сеть водных путей и т. д., и если бы мы могли оказать какую-либо помощь, мы охотно сделали бы это. Мы поэтому не против прогресса в какой бы то ни было форме. Но возводить сооружения в местности, где это делается за счет живущего там населения и в ущерб жизни этого населения, — это совсем другое.

45. Плотина Мангла — это сооружение значительных размеров, предназначенное для орошения 3 миллионов акров земли, я думаю, в Пакистане, а не в Кашмире. Плотина эта отводит воды реки Джелам в Пенджаб. И река, и плотина находятся в Кашмире, на оккупированной территории. Стало быть, на них распространяется суверенитет Индии, они находятся на территории Индийского Союза, которую агрессор не только оккупировал, но и использует ее воды,

меняет топографию местности и т. д. И если бы еще это делалось без нанесения кому-либо ущерба, то, может быть, мы и сказали бы: «Когда они уйдут, нам останется плотина».

46. Но что же случилось? Мысль эту подала, разумеется, армия. Это было во время вторжения, и командующий пакистанской армией сказал тогда пакистанскому правительству:

«Это позволит также Индии овладеть главными сооружениями Мангла и таким образом поставит орошение в районе Джелума и в других районах в полную зависимость от Индии» (464-е заседание, стр. 14).

47. Иными словами, тут предлагалось совершить вторжение в Индию. Довольно долго мы смотрели на это сквозь пальцы. Канал в верховьях Джелама орошает район Западного Пакистана, а вовсе не Кашмир. Сооружения Мангла и первые девятнадцать миль этого канала находятся на территории Джамму и Кашмира. Имея в виду эти инженерные работы, княжество Кашмир в 1904 году передало эти земли во владение, прежнему британскому правительству в Пенджабе. Потому я и говорю, что это является нарушением прежних договоров. Пенджаб можно назвать колыбелью системы орошения, и правительство Пенджаба продолжало развивать деятельность в этом направлении. Оно договорилось с правительством Кашмира. Земли были переданы безвозмездно, но в акте передачи было оговорено одно условие (это взято в кавычки): они навсегда должны остаться собственностью Дарбара, то есть составлять часть княжества Джамму и Кашмир, для ирригационных работ.

48. Население Джамму и Кашмира лишилось возможности пользоваться благами орошения не только потому, что правительство Пакистана незаконно оккупировало страну, но и потому, что оно продолжает там строительные работы. Конечно, все это кажется незначительным по сравнению с трудностями, которые испытывает народ. В настоящее время в оккупированном Пакистаном Кашмире прежние власти Азад-Кашмира и некоторые известные лица продолжают протестовать против оккупации. Я не стану зачитывать эти протесты, чтобы не отнимать у членов Совета время. Если я не ошибаюсь, Совет в свое время принял решение распространять среди членов документы только в самых исключительных случаях. Конечно, я могу раздать членам Совета для ознакомления тексты этих протестов. Сооружение плотины повлечет за собой затопление 122 деревень и города Мирпура, одного из самых важных городов этого района; в общей сложности будет затоплена площадь в 66 квадратных миль. Мы затопили какую-то часть территории в Индии, но на этих местах стояли развалины, а не полные жизни города, и сделали мы это в интересах всего населения, расположенного вокруг этой территории. В результате сооружения плотины 66 квад-

ратных миль окажутся под водой. В государственной бюджетной смете Пакистана вы найдете данные о намеченном плане в целом, о распределении сумм, необходимых для его проведения, и т. д. Около 100 тысяч человек лишатся своей земли и средств к существованию. Согласно сообщениям пакистанских газет, тысячи этих людей будут вынуждены переселиться в отдаленные места Западного Пакистана и осесть там, утратив тем самым права гражданства своего княжества, равно как и права индийского гражданства.

49. Сооружение этой плотины вызывает протесты со всех сторон, и по этому поводу исписано уже много бумаги. Бывший президент так называемого правительства Азад-Кашмира полковник Сиэд Али Ахмед Шах и инициатор Демократической конференции Джамму и Кашмира Абдул Халик Ансари напечатали памфлет, из которого явствует, что по всему оккупированному Пакистаном Кашмиру прокатилась волна митингов протеста против решения правительства Пакистана о сооружении плотины. В памфлете приводятся имена ряда влиятельных граждан, высказывающихся против этого проекта. В памфлете также описывается деятельность Лиги против сооружения плотины Мангла. Лига выпустила брошюру о последствиях, осуществления этого проекта. Пять политических партий в Азад-Кашмире направили членам Национального собрания Пакистана совместное заявление, в котором выражают протест против сооружения плотины, а также удивление по поводу того, что правительственная партия проявляет больше заботы о сооружении плотины Мангла, чем о восстановлении демократических прав кашмирского народа, хотя проект Мангла лишит гражданских прав 100 тысяч человек.

50. План этот был разработан не в Кашмире. Власти Азад-Кашмира не имеют к нему отношения. Мне известно, что пакистанское правительство опубликовало ответ — немного запоздалый — на нашу первоначальную жалобу и в этом ответе утверждало, что между властями Азад-Кашмира и пакистанским правительством заключено какое-то соглашение. Но это только ухудшает положение и еще больше усложняет дело. Власти Азад-Кашмира не имеют права заключать какие бы то ни было международные соглашения. Они являются только местными властями. Суверенитет принадлежит правительству Джамму и Кашмира; следовательно, пакистанское правительство, заключая соглашение с властями Азад-Кашмира, нарушает принципы Устава Организации Объединенных Наций, нарушает резолюции Совета Безопасности, пренебрегает добрососедскими отношениями и поступает нечестно.

51. Намеченный план сооружения плотины в Мирпурском округе поднял целую бурю волнений и недовольства во всех уголках Азад-Кашмира. В одной заметке сообщается, что люди простирают руки, взывая ко Всемогущему: «О

боже, какое бедствие обрушится на нас, обездоленных и беззащитных. Оно не только оставит нас бездомными и нищими, но и самое имя наше будет стерто с лица земли».

52. С правительством Джамму и Кашмира не было проведено никаких консультаций. Мы все еще поддерживаем дипломатические отношения с Пакистаном. Верховный комиссар и другие лица являются нашими добрыми друзьями. Раз этот вопрос так долго обсуждается, то можно было бы ожидать, — если необходимо достичь какого-то соглашения, — что по этому поводу запросят мнение суверенной власти правительство Джамму и Кашмира, равно как и правительство Индии.

53. Сто двадцать две деревни должны скрыться под водой, и из населения в один миллион жителей сто тысяч человек останутся без крова. Что же делать этим беззащитным людям? Это нарушение категорических заверений, данных премьер-министру Индии председателем Комиссии Организации Объединенных Наций г-ном Лосано, в том, что Пакистану — агрессору — не позволят укрепить свои позиции на территории, которую он незаконно оккупировал. Осуществление этого проекта дает Пакистану возможность более прочно закрепиться в этом районе, что полностью противоречит полученным нами заверениям, основываясь на которых мы сочли для себя приемлемыми резолюции Комиссии для Индии и Пакистана. Пакистан проводит в жизнь этот проект, учитывая тот факт, что ни законные власти княжества Джамму и Кашмир, ни правительство Индии не могут вмешаться и поддержать беззащитных людей.

54. В ответ на все сказанное представитель Пакистана заявляет: «Индия незаконно оккупировала территорию Кашмира». Откуда он это взял? Из резолюций Совета Безопасности? Из каких-либо соглашений, заключенных нами с правительством Соединенного Королевства? Из практики международного права или практики добрососедских отношений? Отнюдь нет.

55. Нас спрашивают: а что вы скажете по поводу туннеля, проложенного под Банихальским перевалом? Чем строительство этого туннеля принципиально отличается от сооружения плотины Мангла? Я охотно отвечаю на эти вопросы. Банихальский туннель — это чудо инженерного искусства. Нам удалось осуществить этот проект благодаря помощи немецких инженеров, проложивших этот туннель через гору. Мы не будем использовать этот туннель для того, чтобы вывозить из Кашмира его богатства. Мы даем возможность кашмирским крестьянам вывозить фрукты, шерсть и прочие сельскохозяйственные продукты на рынки в Индию и в другие места. Туннель — это дорога, используемая при любой погоде. Банихальский туннель, чудо инженерного искусства, ни в коей мере не нарушает чьего-либо суверенитета; он не ущемляет интересов местного населения; он не является дорогой

для вывоза богатств из одной области и отправки их в другую область за счет местного населения. Во всех этих отношениях Банихальский туннель сильно отличается от плотины Мангла.

56. Я думаю, мне не следовало бы проводить сравнений. Кто из нас вправе указывать, что должно делать кашмирское правительство в пределах своей компетенции или что должно делать правительство Индийского Союза на территории Союза. Банихальский туннель строился не в интересах какой-то одной части Индии, а в интересах всей Индии и, в частности, в интересах Джамму и Кашмира. Строительство Банихальского туннеля ни у кого не вызвало протеста. Не пришлось разрушить ни одного дома, потому что туннель прорывали сквозь гору, на которой никто не жил.

57. Я счел необходимым представить Совету Безопасности эти сведения в связи с документом S/3896 от 4 октября 1957 года; этот документ — ответ Пакистана (ответ довольно запоздалый) на нашу первую жалобу по этому делу (S/3869).

58. Теперь я перехожу к самой важной и самой трагической части событий, разыгравшихся после тех последних нескольких заседаний, которые Совет посвятил этому вопросу. Я торжественно и со всей серьезностью заявляю, что против нас предпринята новая волна агрессии. Это не просто закрепление уже совершившейся агрессии; это война, подобная той, какую описывает г-н Даллес в одной из своих статей: война, выражающаяся в саботаже, убийствах и разнообразных провокациях. Пакистанское правительство поощряет, подстрекает, вдохновляет и поддерживает различные движения, имеющие целью посеять смуту внутри Индии; оно надеется получить какую-либо выгоду в результате созданной ими смуты. Я не буду возвращаться к событиям, происшедшим ранее февраля 1957 года. Но Совету необходимо знать, что это не какие-нибудь случайные действия, это обдуманные действия и, что еще хуже, к ним имеют отношение люди, занимающие ответственные посты.

59. 26 ноября 1955 года в Карачи состоялась так называемая объединенная партийная конференция. Созвана она была бывшим премьер-министром. Отчеты об этой конференции, время от времени появлявшиеся впоследствии в пакистанской прессе, с очевидностью устанавливают тот весьма важный факт, что конференция была призвана обсудить укрепление фронта народного единства и что на ней обсуждался также вопрос о создании фронта освобождения Кашмира с отделениями по всему Пакистану. Возникает вопрос: как может пакистанское правительство поощрять фронт освобождения Кашмира, если этот вопрос находится на рассмотрении Совета Безопасности согласно главе VI Устава? Одно из двух: или Пакистан считается с Уставом, или он с ним не считается.

60. Затем, между маем и июлем 1956 года, в Равалпинди состоялась конференция на высшем уровне. В ней участвовали влиятельные лица Пакистана и оккупированного Пакистаном Кашмира, среди них не менее известный господин, впоследствии ставший министром иностранных дел Пакистана, а сейчас представляющий интересы Пакистана в Совете Безопасности. По имеющимся у нас сведениям, на этой конференции было принято решение о том, чтобы в дальнейшем в интересах Пакистана вызвать беспорядки в Джамму и Кашмире. Как раз после этой конференции агентов пакистанской разведки, которые были размещены вдоль нашей пограничной полосы, снова отозвали в Равалпинди для прохождения специальной подготовки. Все это вскоре вылилось в боевой клич. Политические лидеры и газеты Пакистана в это время уже открыто вели кампанию мобилизации добровольцев, и многие группы добровольцев объединялись для попыток — часто обреченных на провал — перейти линию прекращения огня. Очень многие пробовали перейти линию прекращения огня. Мы стараемся обходиться с этими людьми по возможности более миролюбиво, хотя оттеснить их силой не составило бы труда; но, как я уже говорил, с одной стороны, мы не хотим усугублять уже имеющиеся трудности, а с другой стороны, мы помним, что эти люди — индийские граждане. В действительности некоторые политические лидеры в оккупированном Пакистаном Кашмире сообщили, что уже обсуждается, какое число ноября провозгласить днем «Д» в Кашмире.

61. «Объединенный фронт» Джамму и Кашмира, названный так для того, чтобы Пакистану удобно было отрицать всякую официальную ответственность за создание этого движения, имел в своем распоряжении опубликованные материалы по этому вопросу. Я только вскользь упомяну о движении, возглавляемом неким г-ном Тариком, он же Акбар Хан, который, без сомнения, не будет признан правительством Пакистана, где он заседает как «вождь» народного движения, а на самом деле он способствует усилению волнений. Я еще остановлюсь на этом вопросе, так как он имеет важное значение.

62. Новые агрессивные действия начались с середины июня 1957 года, и я хотел бы, чтобы члены Совета Безопасности, особенно тех стран, которые являются военными союзниками Пакистана, обратили серьезное внимание на эти факты, ибо существуют правила ведения войны и вооруженных конфликтов. В середине июня 1957 года начались взрывы бомб. В июне 1957 года произошло пять таких взрывов: три в Джамму и два в Кашмире. В июле было четыре взрыва, причем были убитые и раненые. В августе произошло пять взрывов, а в сентябре — четыре. В первые два дня октября, после нашего приезда сюда, произошло еще пять взрывов. Сведения к нам поступали регулярно. С 18 июня по 2 октября в княжестве Джамму и Кашмир бы-

ли зарегистрированы двадцать три взрыва бомб. Эти взрывы нанесли ущерб имуществу граждан и явились причиной смерти и ранений; в частности, были убитые и раненые среди солдат, получивших приказ разрядить бомбы. Нетрудно догадаться, что эти взрывы производились умышленно с целью вызвать взаимное недоверие и враждебность среди различных религиозных групп населения. Обыкновенно происходит следующее: бомбу подкладывают в мечеть, а затем распространяют слух, что ее подложили индусы; или же мину-ловушку помещают в храм и при этом распространяют слух, что ее подложили мусульмане. Это старый, освященный веками прием.

63. Мы детально и объективно расследовали эти случаи. Правительство Джамму и Кашмира, ответственное за поддержание законности и порядка, арестовало ряд лиц, замешанных в этих делах. Некоторые из них оказались агентами пакистанской разведки и некоторые — нашими гражданами. Правительство княжества возбудило против этих лиц судебное преследование, и вчера утром начался суд над ними. Некоторые из обвиняемых дали окружному судье свидетельские показания, после чего они стали «королевскими свидетелями», как называли свидетелей обвинения во времена британского господства. Процесс согласно закону будет проходить при открытых дверях; главный обвиняемый принадлежит к тому типу людей, которые чаще всего бывают замешаны в подобных преступлениях: это юноша-неврастеник. Он был влюблен в девушку и хотел жениться на ней. Пакистанцы сумели на этом сыграть: когда он перешел через границу, его доставили в Равалпинди, где как раз в это время происходила важная встреча. После заседания его познакомили с некоторыми из участников этой встречи. Его пожелал видеть Сайвад Хан, пакистанский офицер контрразведки, направивший его к министру иностранных дел; министр поручил ему выполнить порученное ему задание и обещал ему всемерную помощь. Заявляя это, я отвечаю полностью за свои слова. Сайвад Хан, будучи в этом деле главной пружиной, разъяснил юноше, что ему поручается вызвать волнение в рядах политических партий Кашмира, а также сеять раздор между индусами и мусульманами. После этого визита юноша вернулся в Индию; все еще надеясь жениться на девушке, он принес с собой значительную сумму денег. Время от времени он переходил линию прекращения огня. (Это часто случается, так как мы не в состоянии обеспечить контроль над всем протяжении этой линии с помощью двадцати восьми наблюдателей Организации Объединенных Наций.) Юноша получал инструкции и возвращался в Сринагар, где он передавал другим лицам предназначенные для них инструкции и выполнял свои.

64. В июне 1957 года пакистанский связной принес донесение о том, что принято решение взор-

вать большое количество бомб в Кашмире; обвиняемый сознался, что среди объектов, под которые намечалось подложить бомбы, — это и подтвердилось последующими событиями — были кинотеатр, гостиница, правительственные учреждения и имеющие столь важное значение мосты. Три моста были спасены солдатами индийской армии, которые вовремя обнаружили бомбы и обезвредили их. 25 июня этот связной явился в сопровождении другого человека, принесшего бомбы двух видов: так называемый «белый кирпич» и особый пакет с порохом. Бомбы эти — отнюдь не самодельного изготовления. Это мины-ловушки с находящимся внутри детонатором типа ручной гранаты. Бомбы завязаны веревочкой, и если кто-либо ради любопытства развяжет ее, чтобы посмотреть, что там внутри, то крышка отхлопывается и бомба взрывается. Вот каково их устройство. Все эти материалы были собраны нашей армией и полицией, переданы военным инспекторам, а также были тщательно исследованы. У нас зарегистрированы их номера, заводские марки и все другие относящиеся к ним характеристики. Два субъекта, пожаловавшие к нам с визитом из Пакистана, подложили бомбы под мосты, у задней стены кинотеатра «Палладиум» и в одну из гостиниц. Обвиняемый, о котором я говорю, был арестован 27 июня. Полиция обнаружила у него в доме мешок, в котором находился порох, а также бикфордов шнур, карандаши-взрыватели и другие детонаторы. Детонаторы замедленного действия, бывшие в употреблении, можно получить только на военных складах; нигде в другом месте их нельзя достать. Полиция также обнаружила при обыске большое количество писем, полученных обвиняемым от Сайвад Хана. У нас имеются фотокопии этих писем и другие вещественные доказательства.

65. Что касается актов саботажа, то правительство Индии сделало все возможное, чтобы эти акты не вылились в кампанию индо-пакистанской взаимной ненависти. Оно усиленно пыталось замаять этот вопрос, в то же самое время проводя тщательнейшее расследование. Результаты исследования материалов, использованных для взрывов, изучение применявшихся методов, равно как и необходимая подготовка для овладения техникой взрывного дела, с очевидностью доказывают, что пакистанские военные власти, мягко выражаясь, оказывают активное содействие этим актам саботажа. Материалы, которые употреблялись для взрывов, — это материалы секретные и производятся на военных заводах; материалы такого рода выдаются — даже их собственным пакистанским военным частям — в строго ограниченном количестве. Материалы эти нельзя достать на открытом рынке. Техника, применявшаяся во всех известных нам случаях, явно указывает на то, что обвиняемые прошли подготовку у опытных военных инженеров и офицеров. Некоторые из арестованных, в частности пакистанские агенты, сообщили, что их посылали, снабжали материалами пакистанские

офицеры контрразведки, последние учили их, как создавать беспорядки, волнения и смуту среди религиозных общин. Известно, что, кроме этих взрывных механизмов, из Пакистана поступали значительные суммы денег и издавались пропагандистские материалы. Часть этих денег нам удалось перехватить.

66. Но эта кампания в Кашмире не дала ожидаемых результатов. В Кашмире не было никакой паники. Отдельные люди заплатились за нее жизнью, но самым страшным бедствием, как я уже говорил сегодня утром, это затопление; по этому поводу можно сказать, что нет худа без добра, так как после этого бедствия стало ясно, что в Кашмире нельзя безнаказанно творить такие дела. Народ был чрезвычайно возмущен, а иностранная пресса, представленная многочисленными корреспондентами в Сринагере, не обошла эти события молчанием.

67. Лондонская «Ньюс кроникл», также относящаяся критически к правительству Индии, отравила следующее сообщение:

«Жажущий драки генерал Акбар Хан, ветеран кашмирской войны 1948—1949 годов, создал внутри индийского Кашмира нелегальное и террористическое движение. Хвастливый, небольшого роста (5 футов 3 дюйма) премьер-министр Пакистана Сухраварди до зарезу нуждается в еще одной победе над Кашмиром, чтобы отвлечь всеобщее внимание от бедственного положения внутри страны и как-то поддержать свою репутацию. Терпение г-на Сухраварди, а может быть и время, имеющееся в его распоряжении, иссякают. Не доказывает ли его молчаливое поощрение диверсионных действий генерала Хана, что он решил получить Кашмир либо честным путем, либо путем обмана».

68. На 795-м заседании я зачитал вам ряд других заявлений, в которых содержалась эта мысль: «Мы должны получить Кашмир или умереть... Что бы ни случилось, мы завладеем им». Вот еще одна цитата из «Манчестер гардиан», имеющей там своего корреспондента: «Г-н Сухраварди считает, быть может, что его собственное положение вынуждает его предпринять в отношении Кашмира некоторые стремительные действия».

69. Это не является для нас полной неожиданностью прежде всего потому, что это уже не первая их попытка. С такого же самого действия началось вторжение, с той лишь разницей, что вторжение, во многом напомиравшее события в Пирл Харборе, вначале характеризовалось непрерывным потоком диверсантов. Позднее, в 1950 году и в последующие годы, к Совету Безопасности не раз обращались с просьбой рассмотреть этот вопрос, но не делали это в такой категорической форме. Однако Индия сообщила о своем беспокойстве Комиссии, как видно из краткого отчета заседания, состоявшегося в Нью-Дели 17 августа 1948 года, на котором премьер-министр Индии заявил следующее:

«Премьер-министр вновь заявляет о своих опасениях по поводу возможной инфильтрации с ведома правительства Пакистана или без него и напоминает о ранее указанных Комиссии стратегических пунктах, которые, по мнению правительства Индии, должны оставаться в руках индийских войск для обеспечения безопасности Кашмира» (S/1100, приложение 12, стр 103 и 104 англ. текста).

70. Кроме того, Комиссия в своем третьем предварительном докладе отметила следующее:

«Индия... объяснила, что проводимые Пакистаном мероприятия, как-то: сооружение дорог и доставка оружия и продовольствия в такие пункты, как Скарду, означают только то, что Пакистан не намерен выводить войска из территории, или же рассчитывает на то, что те, кто там останется после вывода войск, могут вызвать беспорядки»¹.

71. Сэр Бенегал Рау, который был уважаемым членом Совета Безопасности, а затем судьей в Международном Суде, в своем выступлении в Совете Безопасности 7 февраля 1950 года заявил следующее:

«Обратимся к событиям этого периода, то есть июня и июля 1948 года. Согласно пункту 7 вышеупомянутого приложения (речь идет о пункте 7 дополнения к письму пакистанского министра по делам Кашмира на имя председателя Комиссии)², отряд якобы добровольцев-читральцев, силой в 400 человек осаждают Скарду, тогда как вооруженные силы Скарду осаждают Лех. Все это происходит с ведома пакистанского высшего командования. Это уже не вторжение горцев, это — вторжение так называемых добровольцев из одной части княжества в другую, добровольцев, на вербованных и организованных пакистанскими властями. Если этот процесс не остановить, то он будет развиваться, как и в прошлом, и никакая часть княжества не будет гарантирована от инфильтрации и нападения. На такой риск Индия идти не может» (463-е заседание, стр. 8).

72. Это было семь лет назад. Так же, как и прежде, Пакистан будет публично отрицать все эти заявления и, по всей вероятности, представит в таком виде судебное преследование, в каком ему заблагорассудится. Но положения закона в Индийском Союзе — это положения, унаследованные нами от британской системы национального права. В эпоху независимости у нас взяла верх правовая законность, и впоследствии мы отделили судебную власть от исполнительной. В настоящее время судебная власть совершенно не контролируется исполнительной властью. (Это разделение является одним из требований, которые мы предъявили британско-

¹ Официальные отчеты Совета Безопасности, четвертый год, специальное дополнение № 7, документ 1430, пункт 268.

² Там же, документ S/1430/Add.1, приложение 24, стр 120 и другие страницы англ. текста.

му правительству сорок лет тому назад.) Представители этой независимой судебной власти вершат теперь суд над обвиняемыми.

73. Следовательно, то, что происходит, — это не осуществляемый нами геноцид, а организованное убийство наших людей, совершаемое правительством соседнего государства, которому следовало бы поддерживать с нами дружественные отношения. Трудно понять, как правительство цивилизованной страны, которое требует рассмотрения своих претензий в Совете Безопасности и которое ссылается на Устав Организации Объединенных Наций, может применять подобные методы, а что оно их применяет, в этом мы не сомневаемся, так как у нас имеются доказательства. Мы располагаем документальными данными и свидетельскими показаниями. Я сам видел разрушения, причиненные указанными действиями. Не может быть больше никаких сомнений. В моем распоряжении имеется полный перечень этих инцидентов со множеством подробностей, но я не хочу утомлять внимание Совета, оглашая все эти материалы.

74. Возможно, что всякое волнение, имевшее место в мире, и все те ужасы, которые мы пережили с 1935 года до окончания второй мировой войны, как-то приучили людей к жестокости, беззаконию и разрушениям. Наша страна недавно получила независимость и является сравнительно слабой. Мы хотим сохранить нашу независимость и по возможности жить в мире со своими соседями.

75. Через несколько дней после серии предыдущих заседаний мы услышали заявление премьер-министра Пакистана, а несколько месяцев спустя на нас обрушилась эта никем не объявленная война, состоявшая из актов диверсии, насилия и саботажа, направленная на уничтожение людей, имущества и плодов труда нашего народа. Линию прекращения огня перейти легко. Она тянется на много миль, и военные патрули не могут контролировать зону в 500 ярдов по обе стороны этой линии, как это предусмотрено в Соглашении. Это весьма облегчает возможность инфильтрации. Мы отдаем себе отчет в трудности этого вопроса; мы хотели бы, разрешая его, поступать так гуманно и мягко, насколько это возможно. Было бы неверно отправлять обратно хотя бы одного беженца из опасения, что он может оказаться преступником. Мы могли бы впустить некоторых преступников, с тем чтобы после их разоблачить. Таково положение.

76. Как представитель правительства Индии в Совете Безопасности в связи с рассмотрением этого вопроса и как министр обороны своей страны я считаю своим долгом поставить Совет Безопасности в известность о том, что началась новая волна агрессии. Прежде всего я хотел бы заметить, что Совет Безопасности совершит ошибку, если, учитывая наше желание проявить терпимость и наше желание решить этот во-

прос мирным путем, он будет смотреть на эту агрессию сквозь пальцы, доверится естественному ходу событий и откажется от моральной оценки их.

77. Далее я хочу сказать, что, раз начавшись, подрывная деятельность уже не знает границ. С 10 октября 1947 года границы Кашмира начали переходить диверсанты. Генерал-майор Скотт представил магарадже донесение о том, что страна подверглась нападению. В течение последующих нескольких дней, как я уже сообщил вам на предыдущем заседании, несколько доблестнейших офицеров армии княжества Кашмир, и в их числе бригадный генерал Раджендра Синг с небольшим отрядом в 200 человек, были разбиты наголову. Тем не менее им удалось задержать нашествие. Индийская армия, которая была переправлена в Кашмир с помощью воздушного транспорта, — эта операция была названа канадцем выдающейся военной операцией, — оттеснила диверсантов и в результате отдалила на несколько недель новое вторжение до того момента, как началось отступление и когда мы стали требовать, чтобы Совет Безопасности объявил прекращение огня. Вот как в действительности все происходило.

78. В дополнение к изложенным мной выше фактам я скажу, что хотел бы, чтобы в документах Совета было зафиксировано, что правительство Индии с полной ответственностью за свои слова и на основании всех документальных данных, собранных им по этому вопросу, еще раз поставило Совет Безопасности в известность о том, что не только прежняя агрессия продолжается, но и началась новая ее волна. Члены Совета Безопасности, к каким бы странам, политическим партиям и группировкам они ни принадлежали, должны теперь решить, какую по этому вопросу им надлежит — коллективно или индивидуально — избрать позицию или какие меры в связи с этим вопросом должны быть предприняты.

79. Правительство Индии не отступает от сделанных им заявлений. Мой рассказ бледен при сравнении с действительностью. Мы почти уверены, что в Кашмире нет паники, потому что население там живет в удовлетворительных условиях, насколько это возможно в нашей части земного шара. Разумеется, еще многое надо сделать. Надо сказать и то, что десять лет — слишком малый срок, чтобы забыть грабежи, разгром, разорение, поджоги, насилия и разбой, бушевавшие, когда Барамула была взята приступом и сожжена и когда индийская армия оттеснила захватчиков. Я сказал «индийская армия», но нельзя здесь не упомянуть об отважном народном ополчении Кашмира, бойцы которого в те дни сражались, одетые буквально в лохмотья.

80. Теперь я перехожу к предложениям, сделанным на 791-м заседании министром иностранных дел Пакистана. Если бы они не были представлены Совету Безопасности, то, я полагаю, самый

правильный подход к этим предложениям заключался бы в том, чтобы оставить их без всякого внимания. Это было бы вполне законно по отношению к авторам этих предложений, принимая во внимание всю обстановку, в которой эти предложения были внесены; однако вряд ли это было бы уместно по отношению к Совету. Кроме того, мы совершенно не собираемся от чего-либо уклоняться. Мы абсолютно уверены в том, что мы имеем моральные юридические и политические права; мы твердо знаем права, принадлежащие нам согласно Уставу, и отлично сознаем свои обязательства по отношению к Организации Объединенных Наций. Кроме того, мне хотелось, чтобы страны Востока и Запада помнили о том, что усилия, направленные на устранение этих трудностей, способствовали бы устойчивости положения в этом районе в целом.

81. Первое из требований министра иностранных дел Пакистана заключается в следующем:

«[Поэтому мы настаиваем на том], чтобы Совет Безопасности перешел теперь от той стадии, на которой прекратились 23 декабря 1952 года прения, и предпринял позитивные меры для осуществления демилитаризации, так чтобы обеспечить проведение в княжестве плебисцита, как это было предусмотрено в свое время в резолюциях Совета» (791-е заседание, пункт 77).

82. Иными словами это означает, что д-р Грэм или его преемник могут вновь вернуться к этому вопросу, начав с того момента, на котором они остановились. Но при этом забывают, что с тех пор имели место непосредственные переговоры между двумя премьер-министрами и что, в противовес сделанному ранее в Совете сообщению министра иностранных дел Пакистана, эти переговоры были прерваны не нами, а премьер-министром Пакистана. Мы всегда считали, что каковы бы ни были трудности проблемы, каким бы ни было законное или незаконное обоснование принятых позиций, к чему-то прийти можно только путем переговоров и мирного разрешения вопроса между заинтересованными сторонами, разумеется, если этот вопрос не является юридическим.

83. Г-н Хан Нун заявил Совету, что пандит Неру в 1953 году прервал непосредственные переговоры. В действительности же — как это явствует из отчетов — 21 сентября 1954 года премьер-министр Пакистана г-н Мохаммед Али в письме на имя премьер-министра Индии писал следующее:

«При этих обстоятельствах я вынужден прийти к заключению, что дальнейшие прямые переговоры между вами и мной об урегулировании этого спора невозможны. Поэтому данный вопрос должен быть возвращен на рассмотрение Совету Безопасности».

На это письмо наш премьер-министр 29 сентября 1954 года ответил следующее:

«Что касается моего правительства, то оно с нетерпением стремится разрешить этот вопрос раз и навсегда, а его разрешения мы не мыслим себе иначе, как путем мирных переговоров... Я снова настоятельно прошу Вас беспристрастно рассмотреть этот вопрос и прийти к заключению, к которому лично я пришел уже давно, а именно, что существующие разногласия мы можем уладить только между собой и только путем мирных переговоров, как бы долго эти переговоры ни тянулись. Мир всегда лучше конфликта, и миролюбивый подход всегда предпочтительнее применения вооруженной силы».

84. Ознакомившись с этой перепиской, Совет Безопасности сам может заключить, какую позицию заняла каждая из сторон в этих переговорах. Я уже говорил сегодня утром, что мы высоко ценим д-ра Грэма и его упорные усилия; однако в отношении неоднократно предпринимавшихся переговоров мы должны сказать следующее: переговоры эти носили характер предварительного изучения вопроса в свете тогдашних условий, тогда как мы все еще надеялись, что Пакистан выполнит положения части I первой резолюции и перейдет к выполнению части II этой резолюции.

85. Комиссия сама выразила мнение, что эти обязательства не совпадают во времени. Первое из них подлежит выполнению Пакистаном. Оно сформулировано в категорической форме, и если в ходе переговоров мы указывали на другие возможности, то это свидетельствует о проявленном нами великодушии. Мы смотрим на это как на составную часть истории вопроса.

86. Второе требование Пакистана касается того факта, что:

«...ясно, что этот спор повлечет за собой угрозу миру и что он подпадает под положения статей 39 и 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций» (791-е заседание, пункт 78).

87. Будь у меня больше времени, я бы с удовольствием разобрал это утверждение с точки зрения права. Прежде всего, это вовсе не спор. Когда одна страна совершает вторжение в другую страну, это не спор, это — агрессия. Это — преступление, которому Совет Безопасности так или иначе должен положить конец, используя для этого тот или иной способ. Обратите внимание, что здесь, в Совете, мы призывали к примирению. Следовательно, в этом деле мы являемся подавшей жалобу стороной; Пакистан же в то время проявил свое участие в этом деле опровержением нашей жалобы относительно Кашмира. А теперь нам говорят, чтобы мы забыли, что существует спор. Но, согласно положениям Устава, это не спор: это ситуация, создавшаяся в результате агрессии Пакистана и оккупации последним части Индийского Союза. Министр иностранных дел Пакистана утверждает, что этот

спор представляет угрозу миру и подпадает под положения статей 39 и 41 главы VII Устава.

88. Кто, собственно, угрожает миру? Неужели в Совете Безопасности принято, чтобы агрессор приходил и заявлял: «Я совершил или собираюсь совершить агрессию, и потому остановите меня». Это было бы умно и, пожалуй, неплохо, если бы так поступали. Но кто же угрожает миру? Не хотят ли нам сказать, что если мы вообще что-либо делаем, то это значит, что мы замысливаем агрессию? Смысл этого в том, что на нас хотят возложить ответственность в этом вопросе. Этот вопрос не может подпадать под положения главы VII Устава, потому что создавшаяся ситуация в Кашмире подпадает под положения главы VI и потому, что мы призывали разрешить конфликт мирным путем.

89. Прежде всего Совету Безопасности надо составить себе определенное мнение относительно того, должна ли продолжаться начатая Пакистаном агрессия. Это нужно решить не только в связи с тем, что там произошло. Я изложил вам подробно пункт за пунктом, параграф за параграфом, фразу за фразой — все, что происходит сейчас в Кашмире. Кроме того, я обратил ваше внимание на бедственное положение населения, составляющего 1 миллион человек и оккупированного Пакистаном. Что же будет с престижем Организации Объединенных Наций в тех районах мира, где возможно считают, что существует одно право для одной страны и другое право — для другой? «Сейчас ясно, что этот спор повлечет за собой угрозу миру...» Уж если миру что-либо и угрожает, то эта угроза исходит от Пакистана. Предъявление Пакистану обвинения в новой агрессии всецело зависит от решения других членов Организации Объединенных Наций.

90. У меня сейчас нет инструкций в этом отношении, и я не знаю, как пожелает поступить правительство Индии. Но в случае если мир нашей страны окажется под угрозой, то мы прежде всего попытаемся защитить наши дома и наших людей. Прошу запомнить мои слова. Я уже говорил это здесь неоднократно, а сейчас я считаю своим долгом повторить, что вторжение какого бы то ни было захватчика на любую часть индийской территории, начиная с мыса Коморина и кончая Гималаями, является агрессией по отношению ко всей Индии в целом. Мы не потерпим вторичного захвата нашей родины. Я должен сделать это заявление в Совете Безопасности в соответствии с положениями Устава и сообразуясь с чувством самоуважения индийского народа. Полагаю, что вы и не могли ожидать от меня другого заявления. Мы не желаем забывать, поощрять, позволять или даже молчаливо допускать новые преступления.

91. Для того, чтобы было основание ссылаться на статью 39 или статью 41 Устава, нужно, чтобы поступила жалоба на акт агрессии; если же агрессор все еще продолжает совершать агрес-

сию, то как же может быть совершена агрессия против него? Изгонять агрессора с собственной территории не значит совершать агрессию. Я, впрочем, и не говорил о насильственном удалении агрессора: я только попросил агрессора, чтобы он удалился сам. Я заявил Совету Безопасности от имени моего правительства, что, хотя наши юридические, моральные, политические, международные — какие хотите — права на 42 тысячи квадратных миль территории, оккупированной и аннексированной нашим соседом, являются абсолютно законными и неоспоримыми, мы сейчас не имеем ни малейшего намерения разрешать этот вопрос силой оружия, так же как мы не собираемся этого делать и в отношении остальных колониальных территорий в Индии. Мы некогда добились свободы иными способами; мы надеемся, что и в данном случае нам это удастся и что в конце концов угнетенные сами сбросят гнет насилия. Поэтому у нас нет ни желания, ни намерения, ни планов нападать на кого бы то ни было. Но одно дело самим начать агрессию, и совершенно другое дело, когда против вас используется целый арсенал военных средств (я как раз вскоре коснусь вопроса о военной мощи Пакистана). Таково положение в отношении двух статей Устава. Предложение Пакистана, если можно так сказать, либо объясняется неправильным пониманием принципов Устава, либо является каким-то ловким маневром, либо чем-то еще.

92. Затем г-н Хан Нун заявляет:

«...я настоятельно рекомендовал бы отвести все войска как индийские, так и пакистанские от линии прекращения огня и разместить вдоль нее войска Организации Объединенных Наций, чтобы предотвратить всякую возможность нарушения этой линии» (791-е заседание, пункт 79).

93. Во-первых, на линии прекращения огня нет никаких войск. Там находятся двадцать восемь наблюдателей, которым разрешено подходить к линии прекращения огня. Никакие другие военнослужащие, если только они не делают этого тайно, не могут подходить к линии прекращения огня ближе, чем на пятьсот ярдов. Поэтому там совершается так много преступлений. Там бы надо установить полицейские посты. Следовательно, требовать отвода войск от линии прекращения огня — значит либо показать полное незнание фактов, либо вводить Совет в заблуждение.

94. Во-вторых, министр иностранных дел, призывая отвести войска, очевидно, представляет себе этот отвод как результат коллективного решения правительств. Пакистан сам распоряжается своими войсками, и в течение последних десяти лет они все могли бы быть выведены. Что касается нас, то наши войска находятся на территории Индийского Союза. Индийские наземные войска и индийские военно-воздушные силы (военно-морского флота это не касается)

могут быть размещены в соответствии с принципами Устава на любом участке территории Индии. Но мы не уделяли внимания ни усилению нашей военной мощи в Кашмире, ни строительству стратегических и прочих сооружений. Мы и не намерены этого делать. Мы и впредь будем полагаться на Совет Безопасности и на Организацию Объединенных Наций в деле защиты принципов Устава, и мы твердо будем стоять на этой позиции.

95. Теперь рассмотрим основной момент третьего предложения. Это предложение о том, чтобы вдоль линии прекращения огня разместить вооруженные силы Организации Объединенных Наций для предотвращения нарушения этой линии. Разрешите мне указать на то, что линия прекращения огня находится на суверенной территории Индии. Это не политическая граница. Это демаркационная линия, проведенная нами, чтобы прекратить кровопролитие.

96. Пакистанское правительство в дополнение к совершаемым им актам агрессии предлагает другим государствам разместить их войска на линии прекращения огня, так как эта линия проходит не по территории Пакистана, а по нашей территории. Вооруженные силы Организации Объединенных Наций, которые расположились бы вдоль линии прекращения огня или в оккупированной Пакистаном части Кашмира, совершили бы посягательство на суверенную территорию Индии. Ни правительство Индии, ни ее общественное мнение, ни какое бы то ни было лицо, занимающее в Индии ответственное положение, никогда не согласится на присутствие иностранных войск на индийской земле. Их было слишком много в прошлом. Ни при каких обстоятельствах не позволим мы иностранным войскам оккупировать нашу страну.

97. Сейчас необходимо не размещение на линии прекращения огня чрезвычайных вооруженных сил Организации Объединенных Наций, которые кое-кто хочет создать специально для этого случая, тем самым придавая всему вопросу форму спора между двумя странами из-за де-юре территории; необходимо другое — прекращение агрессии. К этому я сейчас и перейду. Такова наша позиция в отношении привлечения вооруженных сил Организации Объединенных Наций.

98. Пакистанская печать выступила с критикой заявления премьер-министра Индии о том, что участие любой дружественной страны в такого рода вооруженных силах, равно как и предложение (ибо участвовать в этом нельзя без нашего согласия) любой страны принять участие в этой иностранной оккупации нашей территории, мы будем рассматривать как недружественный акт. Нас осуждали за это заявление, но мы от него не откажемся. Мы считаем недружественным актом направление войск в дружественные страны. Никаких серьезных нарушений линии прекращения огня нет. С каждой стороны

допускались мелкие нарушения, например случаи кражи скота или что-либо в этом роде. В такой дикой местности очень трудно с этим бороться. Но имели место и другие нарушения — значительные нарушения, например невокаль-ский инцидент, в котором Пакистан сначала признал себя виновным, уплатил компенсацию, а затем заявил, что он рассматривает компенсацию как жертвование. Совету Безопасности об этом инциденте сообщено не было.

99. То, что Совет немедленно узнает о всяком нарушении линии прекращения огня или о нарушении самого соглашения о прекращении огня в оккупированном районе, является серьезной ошибкой. Прежде всего аппаратура, которой располагают наблюдатели, не в состоянии учесть все эти нарушения. Вот вам один пример. Пакистанский воздушный флот, оснащенный новыми реактивными самолетами типа «сейбр», нередко вторгается в наше воздушное пространство. Самолеты появляются на высоте от двадцати до тридцати тысяч футов над районами Кашмира, где всегда большая облачность. Можно увидеть только след полосы, которую эти самолеты оставляют позади, и ничего больше. У нас нет технических возможностей для преследования этих самолетов, и мы не имеем ни малейшего желания вступать в воздушный бой. Кроме того, уже через несколько секунд они оказываются на пакистанской территории. Эта игра в пятнашки не оправдана ни морально, ни юридически. Об этих частых нарушениях наших воздушных границ мы каждый раз сообщали наблюдателям Организации Объединенных Наций. Но наблюдатели не могут зарегистрировать нарушений такого рода, так как они не имеют возможности опознать тип или марку самолета. У них нет ни радара, ни каких-либо других установок. Этим столь часто повторяющимся нарушениям надо положить конец. Я сошлюсь на авторитет вице-маршала британских воздушных сил, который еще недавно командовал пакистанскими военно-воздушными силами.

100. Последнее предложение представителя Пакистана совершенно исключает первое его предложение. Вот его текст:

«...правительство Пакистана было бы также готово немедленно вывести всех пакистанских солдат с пакистанской стороны линии прекращения огня при условии, что вдоль этой линии заранее будут дислоцированы войска Организации Объединенных Наций в количестве, достаточном для защиты этих районов и обеспечения их неприкосновенности, а также при условии, что и Индия сократит численность своих войск до уровня предусмотренного...» (791-е заседание, пункт 79).

101. Во-первых, какой-либо определенный уровень не был предусмотрен; был только предусмотрен контингент войск в определенных условиях. Но, во всяком случае, мы не собираемся, и, смею надеяться, Совет Безопасности тоже не

собирается считать нормальным положение, при котором одно правительство отдает другому правительству приказание о том, где именно его солдаты должны находиться и какие условия должны быть выполнены. Ясно, что эту формулу в действительности нельзя считать предложением об отводе войск.

102. Перехожу к заключительной части этих предложений. Карта, которую вы видите у меня в руках, имеется у меня в единственном экземпляре, но я надеюсь, что хотя бы часть присутствующих ознакомится с ней. Вот граница между Пакистаном и Индией, которая проходит по Кашмиру. Некоторые из наших друзей, которые могли бы быть более осведомлены, осаждают нас такого рода вопросами, как-то: если Пакистан отведет свои войска, что предпримет тогда Индия? До какого пункта или пунктов территории отведет Пакистан свои войска? Сейчас я вернусь к вопросу о пакистанской армии. Пакистан мог бы отвести войска в Пешавар, расположенный в 105 милях от границы. Вероятно, они могут покрыть это расстояние за пятнадцать минут на своих современных реактивных самолетах. Пакистан может также отвести войска в Лахор, свою столицу, находящуюся в семидесяти милях от границы; в Сиалкот — в шести милях от нашей границы; в Джелам — в четырех милях; в Равалпинди, один из главных пунктов концентрации военных сил, расположенный в тридцати одной миле от границы; в Мурри, также центр группировки войск, в пятнадцать милях от границы; в Абботтабад (также военный центр), расположенный в шестнадцати милях от границы.

103. В Индии до раздела в связи с положением, сложившимся в то время в Северо-Западной пограничной провинции, — тогда много говорилось о воинственном и невоинственном народе и т. д. — именно из этой части страны пополнялись ряды британских вооруженных сил Индии и именно в северо-западной части страны было сосредоточено множество военных лагерей. Мы отнюдь не хотим сказать, что все находящиеся там лагеря и военные поселения созданы Пакистаном; но понятно, что этот район стал естественным центром пакистанской армии.

104. Если пакистанские войска отойдут в Джелам, на расстояние в четыре мили, то они смогут молниеносно вернуться обратно. Поэтому такой отвод войск не имеет для нас какого-либо значения. Мы должны как можно лучше объяснить Совету Безопасности, что именно подразумевается под отводом пакистанских войск из княжества Джамму и Кашмир. Но я хочу, чтобы все ясно поняли следующее: отвод иностранных войск, оккупировавших район, до своих казарм ровно ничего не значит. Самое отдаленное расстояние, на которое они могут отойти, составляет 105 миль, а самое близкое — 4 мили. Большая часть пунктов, куда может быть отведена пакистанская армия, находится на расстоянии от пятнадцати до тридцати миль. Как

раз на этом расстоянии расположены все главные военные учреждения, казармы, войсковые отделы, не исключая и базы военно-воздушных сил.

105. Кончая эту часть своего сообщения Совету, я должен сказать несколько слов о тех осложнениях, которые могут возникнуть при данной ситуации. Я могу понять министра иностранных дел Пакистана, заявлявшего в Совете или в Генеральной Ассамблее: «Какое Индий дело до численности наших войск или до того, откуда мы получаем военную помощь?» До некоторой степени он прав. Но вопрос военной мощи Пакистана — это все же фактор, с которым мы должны считаться. Можно не вызвать врача в соседний дом, где тиф или холера. Но нельзя не считаться с тем фактом, что ваш сосед болен и что болезнь может распространиться. Вот почему нам приходится присматриваться к росту военной мощи Пакистана.

106. Когда англичане оставили Индию и началась подготовка к проведению мероприятий в связи с намеченным разделом страны, было достигнуто некоторое равновесие и некоторая пропорциональность. Это входило в общий план действий. Но с тех пор в составе пакистанских вооруженных сил произошли значительные изменения. В 1947 году, во время раздела, пакистанская армия насчитывала 45 пехотных батальонов. Сейчас, в 1957 году, она имеет 58 пехотных батальонов, переформированных из недавно числившихся у нее шестидесяти батальонов. В 1958 году, по приблизительным подсчетам, — и я думаю, что эти подсчеты окажутся верными, — у пакистанской армии будет 67 пехотных батальонов. Совершенно очевидно, что вооруженные силы Пакистана значительно превосходят вооруженные силы Индии.

107. Так называемые вооруженные силы Азад-Кашмира насчитывают в настоящее время 20 батальонов. (Прежние 32 батальона перегруппированы в 20 батальонов). Эти батальоны снабжены не только простыми винтовками, автоматами, минометами, ручными гранатами и револьверами, но также и противотанковыми орудиями. Мне бы не хотелось вдаваться в детали относительно типов этого вооружения, принимая во внимание его происхождение. В Азад-Кашмире, где, казалось бы, должны заседать местные власти для решения мирных дел, можно обнаружить и орудия среднего калибра и ракетные установки и др. Кроме того, наши люди заметили в оккупированной Пакистаном части Кашмира наличие зенитных батарей с 40-миллиметровыми орудиями.

108. Это дополнительное снаряжение поднимает положение вооруженных сил Азад-Кашмира до уровня, который занимают пакистанские регулярные пехотные части. Кроме пехотных частей, Пакистан располагает бронетанковыми частями; раньше они насчитывали шесть полков, но теперь их уже десять, а в будущем году предпо-

лагаются довести число этих полков до тринадцати. Эти тринадцать полков должны состоять из десяти бронетанковых полков и трех легких механизированных полков. Десять бронетанковых полков служат дополнением к трем бронетанковым бригадам пакистанской армии, а именно 3-й бронетанковой бригаде, 4-й бронетанковой бригаде и 100-й особой бронетанковой бригаде. Однако не хочу утомлять вас этими подробностями.

109. Перейдем к артиллерии. На предыдущем заседании Совета Безопасности, если я не ошибаюсь, высказывалось мнение, что эти солдаты, эти люди Азад-Кашмира имеют только легкие орудия. В действительности они располагают тяжелой артиллерией. В момент раздела пакистанские вооруженные силы насчитывали 8 артиллерийских полков. Затем этих полков стало 18, сейчас их уже 32, а в будущем году число их должно возрасти до 37.

110. Таковы регулярные вооруженные силы Пакистана, которые, если не говорить об отпускном периоде для солдат (таким периодом был 1947 год), можно назвать войсками. Но у Пакистана есть еще и нерегулярные войска; у нас нерегулярных войск нет. Нерегулярные войска Пакистана — это, во-первых, пакистанская национальная гвардия, которая ранее состояла из 40 батальонов, или примерно из 32 тысяч человек, а теперь увеличена до 57 батальонов. Кроме того, там есть пограничные войска, задачей которых является частично наблюдать за нами, а частично, по всей вероятности, за непокорными племенами. Эти войска насчитывают 21 тысячу человек. Состав этих пограничных вооруженных сил как будто не менялся, главным образом, вероятно, потому, что это — созданное Пакистаном чудовище в лице двухсоттысячной массы людей, которая может направить оружие в обе стороны. Так или иначе, таков состав армии Пакистана. Ко всему этому надо добавить, что из разных источников Пакистан получил новое снаряжение в значительном количестве, например безоткатные орудия. Здесь мне также не хотелось бы уточнять детали конструкции этого оружия. Батальоны войск Азад-Кашмира реорганизируются применительно к составу не только пехотных дивизий Пакистана, но и его бронетанковых полков. При рассмотрении занимающего нас вопроса нет необходимости говорить о состоянии пакистанского военно-морского флота.

111. По этому вопросу я мог бы дать гораздо более подробную информацию, в особенности относительно стратегических сооружений, использования кадров и разработки тактических планов. Но это невозможно сделать, не называя марки и системы оружия.

112. Военно-воздушные силы Пакистана, представляющие угрозу для безопасности Индии, в прошлом состояли только из небольших самолетов-штурмовиков. По имеющимся у нас в настоящее время сведениям, в октябре текущего

года Пакистан будет располагать семью эскадрильями реактивных самолетов типа «сейбр», а к марту это количество, вероятно, увеличится до четырнадцати. Как раз перед моим отъездом из Индии у них появились новые самолеты усовершенствованного образца. Следовательно, воздушные силы Пакистана значительно превосходят индийские. Я спокойно говорю об этом: мы не соревнуемся с ними. У них больше транспортных самолетов, истребителей и бомбардировщиков, чем у нас. Пакистанская авиация без всякого сравнения превосходит авиацию любой страны в этой части земного шара. Из этого, конечно, не следует, что всякий, кто сядет в самолет, сможет управлять им, но это уже другой вопрос. В Маурипуре, аэропорт в Карачи, и на аэродромах Саргода и Пешавара проводятся работы под руководством экспертов, а милях в семидесяти от Гилгита сооружен или переоборудован новый аэродром, где, согласно показаниям беспристрастных очевидцев, взлетают и приземляются реактивные самолеты. На последнем заседании я заявлял об этом, но мне возражали.

113. Я могу сослаться на японского журналиста г-на Маруяму, который был военным корреспондентом на бирманском фронте во время второй мировой войны. Там же, на бирманском фронте, он впервые встретился с генерал-майором Кьяни, который теперь командует в Гилгите. Генерал-майор Кьяни — очень опасный господин; он покинул ряды индийской армии, чтобы вступить в так называемую индийскую национальную армию; в настоящее время он ищет приключений в Гилгите. Г-н Маруяма заявил, что генерал-майор Кьяни сообщил ему, что посадочная площадка в Гилгите плохо приспособлена для реактивных самолетов, но что за время своего четырехдневного пребывания в Гилгите ему случалось видеть на ней несколько реактивных самолетов. У г-на Маруямы сложилось впечатление, что не более как в 70 милях от Гилгита расположен аэропорт, где взлетают и приземляются реактивные самолеты. В Гилгит не допускается ни один иностранец, но генерал-майор Кьяни сообщил корреспонденту, что в прошлом месяце Гилгит посетила группа военных инженеров-экспертов. Делаются попытки построить дорогу от округа Хазары до Гилгита в Пограничном районе. Г-н Маруяма добавил при этом, что местное население Гилгита враждебно настроено по отношению к Пакистану, главным образом из-за трудностей с продуктами питания.

114. Позвольте мне сказать моему уважаемому коллеге, представителю Соединенного Королевства, что если бы только посещавшие Гилгит британские журналисты, включая корреспондентов Бритиш бродкастинг корпорейшн, говорили чистую правду, то он многое узнал бы об условиях жизни в Гилгите. Гилгитские «разведчики», численностью около 10 тысяч человек, получают ничтожную плату и жалкую экипировку.

ку; расположенные в настоящее время в Гилгите три батальона в скором времени будут усилены двумя батальонами. Пакистан понимает, что в случае войны Гилгит окажется наиболее уязвимым местом. Г-ну Маруяме не разрешили посетить пограничные районы Пакистана и Кашмира. Я зачитал это вам, потому что это — объективное сообщение японского журналиста, бывшего в свое время военным корреспондентом.

115. Я уже упоминал о нарушениях воздушных границ. Совершенно справедливы нарекания наблюдателей Организации Объединенных Наций о том, что, когда мы им заявляли об имевших место нарушениях, мы не сообщали им ни о числе самолетов, ни об их отличительных знаках, ни о том, кому бы они могли принадлежать. Но нашими самолетами они во всяком случае не были, и не думаю, чтобы какая-либо другая страна в мире захотела нарушить наш суверенитет. Предположить это было бы нечестно по отношению к другим странам. Но вот вам свидетельство очевидца, и исходит оно ни больше ни меньше, как от главнокомандующего военно-воздушных сил Пакистана, который собирается уйти в отставку. Он является одним из моих друзей. Вот что он заявляет:

«Что касается транспорта, то эскадрильи военно-воздушных сил Пакистана уже несколько лет функционируют с такими показателями бесперебойности и безаварийности, которые оставляют позади показатели воздушного транспорта других стран, как военного, так и торгового назначения. Это тем более примечательно, что значительная часть рейсов пакистанского военно-воздушного транспорта включает частые перелеты горных хребтов, в число которых входят несколько высочайших гор мира».

116. Вы можете посмотреть на карту и удостовериться, о каком районе идет речь. Мы можем подтвердить, что нигде в мире нет таких тяжелых летных условий, как в этих местах; но ведь это прямое доказательство нарушения воздушного пространства южной части Джамму и Кашмира на границах с Индией, Китаем и Россией.

117. Таким образом я коснулся четырех предложений, сделанных представителем Пакистана, и, кстати, не нашел в них ничего нового. Все они являются нарушением Устава, а четвертое — даже хуже, чем нарушение Устава. В четвертом нам пытаются указать, где мы должны размещать свои войска.

118. Какова наша позиция в этом вопросе? Мы считаем, что создалась известная ситуация, и хотели бы, чтобы эта ситуация была урегулирована, — все равно когда — сегодня, завтра или через сто лет. Мы против всякого конфликта, но если на нас нападают, то, как мы ни кротки и миролюбивы, всякому терпению приходит конец. Мы не имеем ни малейшего желания подвер-

гаться агрессии, но мы хотели бы предупредить всех военных союзников Пакистана о том, что если Пакистан нанесет нам удар, то они будут в какой-то мере ответственны за это, в особенности если учесть зачитанные мною заявления относительно участия в Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и в других соглашениях, так как эти заявления раскрывают политическую платформу Пакистана в интерпретации ответственных государственных деятелей этой страны.

119. Поэтому наша позиция сводится к следующему: мы никогда не согласимся отказаться от суверенитета хотя бы над одной из частей, составляющих нашу территорию; однако мы по-прежнему будем возлагать надежды на то, что исходящие от Совета Безопасности призывы к миру и согласию и общественное мнение убедят всех в том, что совершать агрессию нехорошо и что Пакистану совершенно нечего делать на территории Джамму и Кашмира, которая является частью Индийского Союза. Если Пакистан или кто-либо еще сомневаются относительно законности вступления во владение или вытекающей из этого политической неприкосновенности, то мы предложили бы им разрешать эти сомнения каким-нибудь другим способом. Но как бы там ни было, а мы со своей стороны заявляем, что Джамму и Кашмир являются такой же частью Индии, как Бомбей, или Бхопал, или Западная Бенгалия, или любая другая ее провинция. В то же время я хочу со всей прямотой заявить — хотя это может быть и не имеет прямого отношения к вопросу, а касается его только косвенно, — что ни общественное мнение Индии, ни ответственные государственные деятели, ни индийское правительство не имеют ни малейшего желания что-либо изменить в вопросе раздела, ибо любые изменения могут дать материал для обращенной против нас враждебной пропаганды.

120. Создание государства Пакистан — это плата за независимость и за мирную передачу власти. Мы желаем ему процветания. Нам не нужна никакая территория Пакистана; но мы не отдадим ему ни пяди своей земли. Поэтому мы и говорим, что если мы пытаемся сохранить мир и не остаемся глухи к зову о примирении, то из этого не следует, что мы допустим агрессию и подчинимся ей.

121. Если Совет Безопасности не отнесется со всей серьезностью к тому, что я сейчас сказал, то не думаете ли вы, что на него падет некоторая доля ответственности за то, что совершится, если события последних трех или четырех месяцев получат куда более крупный размах и если в этой части земного шара возникнут трудности, которые, помимо всего прочего, отвлекут силы нашего народа от мирной революции в деревне? Наш народ голодал еще вчера, как голодал он и раньше. Нам очень хочется, чтобы там, где вчера наливался зерном один колосок, сегодня созрели бы два. Нам очень хочется,

чтобы развивались отрасли нашей промышленности. Нам очень хочется, чтобы у нас с Пакистаном установились отношения, непохожие на теперешние. Нам очень хочется — поскольку это будет в наших силах и поскольку это будет необходимо — взять на себя международные обязательства, бремя которых должно нести на себе каждое суверенное государство. Поэтому мы не намерены предпринимать никаких мер, которые могли бы ухудшить существующее положение; однако не думайте, что мы будем мириться с выпадами против нас.

122. Поэтому мы просим Совет Безопасности предъявить требование, чтобы как регулярные, так и нерегулярные войска Пакистана отказались от агрессии. Комиссия Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана установила, что пакистанская армия состоит не только из регулярных, но также и из нерегулярных войск. Я не хочу опять углубляться во все эти обстоятельства, но сама Комиссия отметила, что в момент принятия резолюции от 13 августа 1948 года не было известно о существовании пакистанских войск в других районах. Что касается Азад-Кашмира, то Комиссия так ничего и не сообщила о составе его вооруженных сил, обмолвившись только о том, что произошло некоторое существенное изменение. Если бы было об этом известно, то положение могло бы быть иным.

123. Заявление сэра Оуэна Диксона по этому вопросу здесь игнорировали и отмахнулись от него, что (если так можно выразиться) не отличалось излишней учтивостью по отношению к австралийцам, так как кое-кто высказался в том смысле, что сэр Оуэн сделал это заявление для того, чтобы угодить индийцам. Между тем отношение сэра Оуэна Диксона к нам далеко не такое дружественное, как мы этого желали бы. Однако он сказал, что, когда пакистанские войска перешли границу, они тем самым нарушили международное право; иными словами, они совершили агрессию.

124. Поэтому мы требуем, чтобы войска пакистанской армии — регулярные и нерегулярные, — официально носящие название пакистанской армии и приданные ей вспомогательные части, полностью отказались от агрессии. Это значит, что, как нам обещала Комиссия и как это было зафиксировано в ее протоколах, должны быть предприняты следующие меры: полное расформирование и разоружение армии Азад-Кашмира, эвакуация северных районов и возвращение их княжеству Джамму и Кашмир, согласно заключению Комиссии, содержащемуся в ее докладе. Необходимо вывезти все военное имущество и снаряжение и демонтировать все военное оборудование и установки. Индия должна иметь какую-то уверенность (я намеренно употребляю здесь мягкое выражение, но я мог бы сказать — гарантию), что наш сосед не разрешит враждебным элементам пересекать свою территорию. В соответствии с эле-

ментарным международным кодексом правил хорошего тона Индийский Союз должен получить от своего соседа, с которым он желает поддерживать дружественные отношения, известные заверения в том, что никакие враждебные элементы не пройдут через его территорию в нашу страну. Долг каждого независимого государства — следить за тем, чтобы никакие чужие войска или враждебные военные силы не проходили через его территорию. Ни одна страна этого не должна допускать.

125. Военное снаряжение, как я уже отмечал, ввозилось в оккупированную Пакистаном территорию уже со времени подписания нами резолюции от 13 августа 1948 года о прекращении огня. Это снаряжение должно быть вывезено. Заметьте, мы не говорим, что оно должно быть уничтожено, хотя это было бы самое правильное. Но по крайней мере его надо убрать. Оно не является собственностью Пакистана; хотя оно и представляет для нас опасность, мы готовы с этим согласиться. Все военные установки, кроме тех, которые там уже были до 13 августа, должны быть демонтированы. Северные районы должны быть полностью очищены, как это первоначально предусматривалось в докладе Комиссии, и бразды правления должны быть снова переданы правительству Джамму и Кашмира согласно с точкой зрения самой Комиссии. Вновь развязанная в последнее время война, осуществляемая методами диверсии, подкладывания бомб, саботажа, шпионажа и убийств, должна прекратиться. Если не появятся какие-то признаки, возвещающие о конце этой войны, то, учитывая все улики (и те, которые уже имеются в нашем распоряжении, и те, которые еще всплывут при рассмотрении дел в судах), — даже если наше правительство и захотело бы посмотреть на это сквозь пальцы, наше общественное мнение этого не потерпит. Захвата нашей территории во второй раз мы не допустим. Поэтому диверсионную войну надо прекратить. Всякого рода помощь, деньгами или чем-либо другим (на этот счет я представлял вам доказательства), оказываемая Пакистаном шпионам, диверсантам, провокаторам и всевозможным тайным агентам, должна немедленно прекратиться. Необходимо восстановить между обеими странами дружественные взаимоотношения.

126. Мы просим (требовать мы не можем), чтобы страны, являющиеся военными союзниками Пакистана, непосредственно заверили правительство Индии в том, что оказываемая Пакистану в любой форме военная помощь не будет использована внутри самой Индии или против ее территории. Соединенные Штаты дали нам такое заверение в отношении нашей страны, и мы приняли это заверение, несмотря на возможные нежелательные последствия, поскольку еще не изготовлены пушки, стреляющие только в одном направлении. Единственно правильным было бы, чтобы военные союзники Пакистана поставили его в известность о том, что, незави-

симо от характера этих союзов, они будут непричастны к пакистанским планам агрессии. Что касается аэродромов, то их надо отнести в ту же рубрику, что и находящиеся на этой территории военные учреждения.

127. В ходе обсуждения с г-ном Лосано вопроса защиты Индии Комиссия признала за правительством Индии право обеспечить охрану и расположить гарнизоны вдоль границы на случай вторжения или угрозы безопасности района. Учитывая совершающиеся акты диверсии, необходимо охранять контрольные посты и наиболее уязвимые пункты. Таким образом, Индия с полным правом и охотно приняла бы на себя ответственность по охране границ Союза.

128. Нам пора наконец расставить в этих контрольных постах необходимые гарнизоны, чтобы наша граница, наша международная граница, граница не только с Пакистаном, но и со всем остальным миром, охранялась как следует. В конце концов, у нас расставлены контрольные посты на пограничной полосе протяженностью более 3 тысяч миль на границе с Китаем, Бирмой и другими странами. Но, помимо всего этого, мы считаем, что, для того чтобы положить конец агрессии, необходимо точно придерживаться выполнения условий пункта Е части I резолюции от 13 августа 1948 года. Не надо забывать о подстрекательстве, с одной стороны, и угрозах — с другой; о заявлениях, как я только что зачитал заявление пакистанского премьер-министра; о всеобщей кампании ненависти, которая проводится против нас. Напрасно было бы искать выход, который заключается в том, чтобы правительство Пакистана обратилось с призывом к своему народу, из этого положения в заявлении г-на Хана Нуна (791-е заседание, пункт 33). Дело суверенного правительства — следить за тем, чтобы при сложившихся обстоятельствах была прекращена эта своего рода священная война против немусульман, психологическая война, которая не может проводиться в Пакистане без ведома правительства или без его содействия.

129. Я не намеревался подробно говорить об этом, но многие члены Совета Безопасности просили меня уточнить, что именно мы понимаем под ликвидацией агрессии. Что такое ликвидировать агрессию — понять очень просто. Индийский Союз является суверенной территорией, такой же суверенной, как и территории всех ваших стран. Позволю себе спросить: кто из вас, представителей, согласился бы допустить оккупацию территории своей страны, в особенности если бы (как в нашем случае) эта оккупация явилась, так сказать, следствием примирительного шага с нашей стороны, то есть отвода действующей армии и определения линии прекращения огня, для того чтобы добиться мирного урегулирования спора. Стало быть, Пакистан должен убраться и освободить аннексированные им территории — «дезаннексировать» эти территории, — поскольку Комиссия заявила, что

в ее планы не входит образование правительства «Азад» и что там могут быть только местные власти, которым правительство Индии и правительство Джамму и Кашмира должны оказать помощь в деле поддержания законности и порядка. Вся суть этой резолюции исходит из суверенитета этого правительства. Существует только одно княжество — княжество Джамму и Кашмир, — а не два, и поэтому мы и не можем перескочить эту канаву в два прыжка. Единственным выходом, как видите, является полнейшая ликвидация агрессии.

130. Мы обещали, что, при условии справедливого решения этого вопроса, мы приложим все усилия для установления дружественных отношений, а также для разрешения всех спорных проблем. Но мы не намерены вносить какие-либо предложения, которые в том или ином отношении или в какой-либо степени ущемляли бы наши территориальные интересы, потому что здесь затрагивается наш государственный суверенитет, а наш долг — охранять этот суверенитет и передать его будущим поколениям.

131. Вот в чем заключается требование Индии, и с этим требованием она может обратиться к Совету Безопасности с еще большей настойчивостью, так как за период, прошедший со времени последней серии заседаний Совета, пакистанское правительство стало сообщником и подстрекателем актов агрессии, саботажа и насилия, проводило эту кампанию систематически, ухудшило ситуацию, усилило мощь своей армии и сделало все, что только было в его силах, чтобы усложнить взаимоотношения. Более того, пакистанское правительство воспитывало у пакистанцев чувство ненависти и придало этому вопросу такую форму, что его легко можно сделать вопросом взаимоотношений между религиозными общинами, однако не в нашей стране, потому что католики или протестанты, мусульмане или индусы, буддисты или сикхи являются честными гражданами нашего государства. Индия — это страна, в которой не менее, чем в какой-либо другой (не буду утверждать, что более, чем в какой-либо другой, но во всяком случае не менее) существует свобода мысли и вероисповедания; более того, в ней существует — как вы могли убедиться из процитированных мною объективных источников — такая степень терпимости, какой не удавалось достичь еще ни одной стране в такой короткий срок.

132. Исходя из всего этого я считаю, что на голословные утверждения Пакистана я дал исчерпывающий ответ. Я еще раз выражаю сожаление по поводу того, что мой уважаемый коллега, министр иностранных дел Пакистана, бывший лет десять тому назад нашим соотечественником (он родился на индийской земле, и, конечно, у него там множество друзей), отзывается о правительстве Индии, как о бесчестном правительстве, поступающем предательски или пытающемся где-то в чем-то хитрить. Это очень

печально, но я не принимаю это на свой счет, потому что я уверен, что подобные замечания по адресу такого правительства, как правительство Индии, — даже если их можно сравнить с грязью, которой нас обливают, — к нам не относятся. Нам тяжело видеть наших друзей с нечистой совестью.

133. Вот почему, хотя я и не имею ни малейшего желания давать советы, я считаю нужным заявить, что если настоящие прения будут продолжаться, то мне придется попросить правительство Индии дать мне инструкции относительно того, до каких пор я должен сидеть здесь и выслушивать заявления, носящие совершенно непарламентский характер. Я бы не протестовал, если бы дело касалось лично меня. Но по отношению к моей стране, ее чести и достоинству, я бы не выполнил своего долга, если бы я не попросил вас, как Председателя и прежде всего как французского гражданина, использовать свое право проследить за тем, чтобы по отношению к суверенному государству, которое пришло сюда по своей доброй воле, движимое уважением к Уставу и верой в Организацию Объединенных Наций, не делались необоснованные обвинения и недопустимые выпады.

134. Мы, наконец, спрашиваем, что должны мы будем сказать нашему народу после всех этих лет терпеливого ожидания, когда мы использовали все возможные меры, и более того даже задержали на несколько лет развитие той части территории, которая еще находится под нашим контролем, чтобы делать все это одновременно. Неужели мы должны лишить этот угнетенный народ и политической свободы, и экономического развития? Неужели мы должны будем сказать широким массам индийского народа — 193 миллиона представителей которого принимают участие в политической жизни страны как избиратели, свободно выражая свое мнение, — что Совет Безопасности свел на нет свои попытки ликвидировать агрессию? Этот вопрос очень прост. Никто никогда не утверждал, что Джамму и Кашмир составляют часть пакистанской территории. В наше время не существует такого места на земном шаре, которое было бы «ничьей землей» или не находящегося под чьим-либо суверенитетом. Поэтому мы спорим о нереальных вещах. Никакой «ничьей земли» не существует. Согласно любой системе международного права, фактическое владение территорией может быть нарушено только двумя способами: путем войны или путем соглашения. Был испробован способ войны, и диверсантам отчасти удалась их попытка, причем им удалось сыграть на нашем стремлении к миру и согласию. Многие в Индии сожалеют о том давно прошедшем дне, когда мы настойчиво не потребовали от Организации Объединенных Наций решить вопрос о полной ликвидации агрессии. Но мы все еще продолжаем верить, — а без веры нет движения вперед, — и именно эта вера приводит нас сюда, на заседания, следующие одно за другим. И опять-таки ради этой веры мы, рискуя злоупотребить вашим

терпением, читаем выдержки из различных документов и пытаемся поставить на рассмотрение Совета Безопасности вопрос — не вопрос о Кашмире, а, поскольку это касается Индии, — вопрос о вторжении в Индийский Союз, вопрос безопасности его территории, вопрос достоинства и чести его народа и вопрос освобождения миллионного, ныне порабощенного народа.

135. Для Организации Объединенных Наций этот вопрос сводится к тому, должна ли агрессия, нарушающая положения Устава, агрессия, нарушающая резолюции, принятые Советом Безопасности, агрессия, установленная фактическими данными, существовать и в дальнейшем, время от времени давая агрессору материал для ссылок на нее, будто несчастная жертва является ответчиком. Все это — странное стечение обстоятельств. Должен признаться, что нам, простым смертным, этого не понять. Мы приходим сюда с жалобой на вторжение, а нам говорят: «сделайте одно», «сделайте другое», «сделайте третье». Между тем вопрос самый простой — ликвидировать агрессию, чтобы можно было установить лучшие взаимоотношения между обеими странами и разрешить множество экономических, политических, социальных и других проблем, для того чтобы мир в этой части земного шара не слишком омрачался разногласиями между нашими двумя странами. Общность связей, существующих между обеими этими странами, — это не просто общность связей по признаку соседства и непрерывного общения; эта общность объясняется тем, что связи эти имеют общие истоки: тот же народ, то же культурно-историческое наследие и, до самого последнего времени, та же страна. Что касается нас, то мы никогда не настаивали на введении режима дискриминации по признаку расы, религии, касты или вероисповедания. У нас вообще нет ни малейшего намерения посягать в политическом, военном или каком-либо другом плане на суверенитет государства Пакистана. Даже когда честность Пакистана в том или ином вопросе казалась нам слегка сомнительной, мы очень часто вступали в переговоры и старались найти решение вопросов мирным путем.

136. На этом я кончу, резервируя за собой право высказаться, если в связи с новыми замечаниями по данному вопросу будут необходимы какие-либо разъяснения со стороны правительства Индии.

137. Правительство Индии глубоко признательно г-ну Яррингу за проявленную им по отношению к нам чрезвычайную любезность и заверяет его в том, что мы сочли за большую честь принять его у себя. Даже если он и не будет больше Председателем Совета Безопасности и пожелает навсегда забыть о кашмирском вопросе, мы будем приветствовать его приезд в нашу страну, так же как и приезд кого-либо другого. Только, пожалуйста, не требуйте, чтобы мы отказались от своего суверенитета.

138. Г-н НУН (Пакистан) (*говорит по-английски*): Я не намерен испытывать терпение членов Совета Безопасности рассуждениями по вопросу индо-пакистанского спора о Кашмире. Уже и так слишком долго откладывалось рассмотрение этого вопроса в Совете Безопасности. В этом не наша вина.

139. Совет только что заслушал ответ индийского министра обороны на мое заявление от 24 сентября 1957 года (*791-е заседание*). В данный момент я хотел бы сказать Совету Безопасности о том, что в пространном заявлении индийского министра обороны не содержится ничего нового. В нем повторяются доводы, которые Совету уже приходилось слышать и на которые Пакистан успешно ответил за столом Совета. В заявлении содержится также ряд искаженных фактов; кое-какие из них относятся к вопросу, рассматриваемому Советом, но большая часть их не имеет к вопросу ни малейшего отношения. Если Совет пожелает, я могу произвести подробный анализ этих фактических искажений, относятся они к делу или нет, поставив себе целью правильно осветить положение. Но этот вопрос я бы предоставил решить Совету Безопасности. Если Совет пожелает, чтобы я уточнил или разъяснил какие-либо детали, я охотно сделаю это. Но я не хочу обременять Совет нескончаемым потоком относящихся и не относящихся к делу обвинений и контробвинений, помогающих или не помогающих разрешить рассматриваемый Советом вопрос, иными словами, урегулировать спор о Кашмире. Мне хотелось бы коснуться только одной или двух сторон вопроса.

140. Индийский министр обороны усиленно подчеркивал вопрос об «агрессии». Что касается «агрессии», то на данном этапе дискуссия о том, какая из сторон начала агрессию, и о том, что какая-либо сторона закрепила эту агрессию, едва ли уместна и уж конечно не способствует мирному урегулированию спора о Кашмире, а это все, к чему стремится Пакистан. Неужели Индия, поднимая в настоящий момент вопрос об агрессии, серьезно хочет, чтобы Пакистан снова извлек на свет божий вопрос об индийской агрессии, — не только в Кашмире, а и в Джунагаде, Манавадаре и Мангроле, не говоря уже о Хайдарабаде? Раз таково желание Индии, я, разумеется, могу начать обсуждение всего этого вопроса в целом, разумеется, если Совет Безопасности не будет возражать против этого.

141. Целью резолюций Организации Объединенных Наций по вопросу о Кашмире была и остается демилитаризация княжества, за которой должно последовать проведение плебисцита под руководством Организации Объединенных Наций, который обеспечит населению княжества право определять свою будущую судьбу. Вряд ли я должен напоминать Совету Безопасности о том, что Пакистан уже принял одиннадцать предложений для достижения этой цели и

что Индия отклонила эти предложения одно за другим. Двенадцатое предложение, внесенное г-ном Яррингом, также было принято нами и отклонено Индией. Я не буду вступать в запутанные прения о том, что собой представляет с технической точки зрения предложение посла Ярринга, — предлагает ли он уладить спор путем арбитража или мирным путем; мне кажется, что вопрос этот не имеет большого практического значения.

142. Насколько это касается Пакистана, в княжестве Джамму и Кашмир не имело места увеличение военного потенциала. Кажется, даже сам индийский министр обороны признал, что число батальонов, расположенных в Азад-Кашмире, было сокращено. Пакистанский генеральный штаб представил сведения о том, что численность регулярных войск Пакистана и войска Азад-Кашмира, находящихся на нашей стороне линии прекращения огня, значительно уменьшилась по сравнению с их численностью на 1 января 1949 года. Равным образом и число разведчиков в Азад-Кашмире не увеличилось. Из соображений безопасности я не могу здесь огласить точные цифры; однако эти цифры известны группе наблюдателей Организации Объединенных Наций, обязанность которых — следить за подобными изменениями и сообщать о них Совету Безопасности.

143. Что касается утверждения индийского министра обороны о том, что присоединение княжества Джамму и Кашмир к Индии является окончательным и что Кашмир представляет собой неотъемлемую часть Индийского Союза, то тут я могу только сослаться на пункт 1 резолюции от 5 января 1949 года, которая была одобрена Индией. В этом пункте говорится:

«Вопрос о присоединении княжества Джамму и Кашмир к Индии либо к Пакистану будет решен демократическим путем, а именно путем свободно и беспристрастно проведенного плебисцита» (*S/1196, пункт 15*).

144. Совет Безопасности, возможно, пожелает осведомиться у индийского министра обороны, не пытается ли он уклониться от выполнения международных обязательств, принятых на себя его страной в результате одобрения резолюций Комиссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана от 13 августа 1948 года и от 5 января 1949 года.

145. Правительство Пакистана понятия не имеет о взрывах бомб и подрывной работе внутри Кашмира; оно узнало об этом только от индийского министра обороны и вообще не имело к этому никакого отношения. Если эти факты имели место, то они представляют собой просто проявление растущего беспокойства угнетенного народа. Впрочем, может быть они рассчитаны на то, чтобы служить дымовой завесой, под прикрытием которой Индия сможет бросать Пакистану новые обвинения. У меня нет точных све-

дений о местопребывании и занятиях бывшего генерал-майора Акбар Хана. Так или иначе, он был признан виновным в попытках ниспровержения правительства Пакистана, и мое правительство вряд ли прибегло бы к его услугам для какой бы то ни было цели.

146. Индийский министр обороны не затронул ни одного вопроса, который бы уже ранее не обсуждался Советом Безопасности. Собственно, все, что он сказал, лишний раз подчеркивает необходимость немедленных действий. Как можно скорее дадим народу Кашмира возможность свободно и без страха высказать свое желание относительно присоединения к Индии или к Пакистану. Вот простой вопрос, стоящий перед Советом Безопасности. Это все, что я хочу сказать в настоящий момент. Но я с готовностью сообщу Совету Безопасности все дополнительные сведения, которые могут ему понадобиться, и отвечу на любой вопрос, который он, возможно, пожелает мне задать.

147. В данный момент положение таково: Совету Безопасности известны как позиция Пакистана, так и позиция Индии. Теперь Совет Безопасности должен сделать собственные выводы в свете своих прошлых прений и резолюций и в свете мнений, высказанных на его настоящем заседании.

148. Я хотел бы резервировать за собой право выступить позднее, если в этом будет необходимость.

149. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): В моем списке ораторов больше нет. Если нет желающих выступить, я объявлю заседание закрытым. Позднее я проконсультируюсь с членами Совета о том, когда именно они желали бы возобновить рассмотрение индо-пакистанского вопроса в свете заявлений, сделанных сторонами.

Заседание закрывается в 17 час. 50 мин.

**КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишете по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.